16+

ISSN 2500-137X

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выпуск 4 (5) | 2017

INTERNATIONAL ACADEMIC JOURNAL

HUMAN AND SOCIETY

Issue 4 (5) | 2017

www.humansociety.media

ISSN 2500-137X

17004

9 772500 137005

ISSN 2500-137X (print)
ISSN 2500-1361 (online)
DOI 10.21661/a-370

Выпуск 4 (5) | 2017

Человек и общество

Международный научный журнал

Идеология журнала

Редакция журнала исходит из представления современности как сложного комплекса многомерных вызовов человеку. Технологический характер нашего бытия все настойчивее требует поставить на повестку дня сегодняшнего самую важную задачу – поиск адекватных форм адаптации человека к новым условиям общественной среды. Мы глубоко убеждены в фундаментальной аксиоме – сохранении человеческого измерения как главного источника смыслов и целей общественного бытия.

Председатель редакционной коллегии

Широков Олег Николаевич	д-р ист. наук, профессор, декан историко-географического факультета ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», член Общественной палаты Чувашской Республики 3-го созыва

Редакционная коллегия

Апажева Елена Хасановна	д-р ист. наук, профессор ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
Бекназаров Рахым Агибаевич	д-р ист. наук, профессор Актюбинского регионального государственного университета им. К. Жубанова, Республика Казахстан
Данильченко Сергей Леонидович	д-р ист. наук, профессор Филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова» в г. Севастополе
Милешина Наталья Александровна	д-р ист. наук, доцент ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева»
Рокина Галина Викторовна	д-р ист. наук, профессор ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

Главный редактор
Широков Олег Николаевич

Зам. главного редактора
Яковлева Татьяна Валериановна

Ответственный секретарь
Петрова Марина Геннадьевна

Дизайн обложки
Фирсова Надежда Васильевна

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС 77-67055 от 15.09.2016

www.humansociety.media

ISSN 2500-137X (print)
ISSN 2500-1361 (online)
DOI 10.21661/a-370

Issue 4 (5) | 2017

Human and Society

International academic journal

Journal's ideology

The editorial board of the journal comes from the notion of modernity as a complex range of multivariate challenges to the human. Technological character of our existence requires to immediately raise the question of the main goal – the search of adequate forms of human adjustment to the new conditions of social environment. We are deeply convinced of the fundamental axiom – human dimension preservation as a main source of meanings and aims of a social being.

Chairman of the Editorial board

Shirokov Oleg Nikolaevich	doctor of historical sciences, professor, dean of the Historical and Geographical Department FSBEI of HE "the Chuvash State University named after I.N. Ulyanov", member of the Public Chamber of Chuvash Republic of the 3rd convocation

Editorial board

Apazheva Elena Khasanovna	doctor of historical sciences, professor at FSBEI of HE "Kabardino-Balkarian State University"
Beknazarov Rakhym Agibaevich	doctor of historical sciences, professor at K. Zhubanov Aktyubinsk Regional State University, the Republic of Kazakhstan
Danilchenko Sergey Leonidovich	doctor of historical sciences, professor of the Brunch FSBEI of HE "M.V. Lomonosov Moscow State University" in Sevastopol
Mileshina Natalia Aleksandrovna	doctor of historical sciences, associate professor of the Department of Russian History and Ethnology at M.E. Evsevev Mordovia State Pedagogical Institute
Rokina Galina Viktorovna	doctor of historical sciences, professor at FSBEI of HE "Mari State University"

Chief editor
Shirokov Oleg Nikolaevich

Deputy Chief Editor
Yakovleva Tatyana Valerianovna

Executive Secretary
Petrova Marina Gennadievna

Cover design
Firsova Nadezhda Vasilyevna

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).
The certificate of registration of mass media: ПИ № ФС 77-67055 from 15.09.2016

www.humansociety.media

Общие вопросы исторических наук

Новикова И.Е. *Реформа 1861 года на Ставрополье 4*
Радевская Н.С. *Перспективы развития современных научных сообществ как социальных институтов.....7*

Всеобщая история

Гофман А.В. *Соглашения Осло как попытка урегулирования палестино-израильского конфликта: историографический аспект.....10*
Куликов Н.А. *Референдум в Шотландии 2014 года: история и последствия 15*
Рыболова Е.А. *Деятельность печатного органа политотдела МТС (по материалам газеты «Сталинец») 17*

Археология

Коробкова Е.А. *Инновации и преемственность в сарматских комплексах Есауловского Аксая..... 20*

Этнография и историческая антропология

Кутейников А.Н. *Реконструкция психологического портрета древних греков классического периода ... 22*
Чекрыгина Т.А., Иващенко А.П. *Культурные формы мышления как трансляционно-коммуникативная основа личности 28*
Шараева Т.И. *Этнические группы у калмыков: материалы о группе зёд (зөд)..... 31*

Вспомогательные исторические дисциплины

Кохичко А.Н. *О Родине, Отчизне, Отечестве.... 34*

Рецензии..... 39

General questions of History

Novikova I. E. *The reform of 1861 in Stavropol 4*
Radevskaya N.S. *Prospects of development of modern scientific communities as social institutions 7*

General History

Gofman A.V. *The Oslo accords as an attempt to settle the Israeli-Palestinian conflict: the historiographical aspect.. 10*

Kulikov N.A. *Referendum in Scotland in 2014: history and implications..... 15*
Rybolova E.A. *The activity of the press organ of MTS political department (based on the "Stalinets" newspaper)... 17*

Archaeology

Korobkova E.A. *Innovation and continuity in Sarmatian complexes in Esaulovsky Aksai..... 20*

Ethnography and Historical Anthropology

Kuteynikov A.N. *Reconstruction of the ancient Greeks' psychological portrait in the Classic period..... 22*
Chekrygina T.A., Ivashchenko A.P. *Cultural forms of thinking as translation-communicative basis of the individual..... 28*

Sharaeva T.I. *The Kalmyks' ethnic groups: information on zed (зөд) groups 31*

Subsidiary historical subjects

Kokhichko A.N. *About the Homeland, Motherland, Fatherland..... 34*
Reviews 39

Реформа 1861 года на Ставрополье

УДК 9
DOI 10.21661/r-467279

The reform of 1861 in Stavropol

Новикова Ирина Евгеньевна –
магистр ист. наук, учитель истории и обществознания МБОУ СОШ №6, Россия, Георгиевск.

Аннотация

Данная статья посвящена анализу социоэкономических особенностей проведения крестьянской реформы на Ставрополье, главная из которых заключалась в достаточно низкой плотности заселения региона и численности крепостных крестьян. Работа включает в себя рассмотрение положений одного из самых ранних проектов освобождения крестьян, созданный крупнейшими помещиками Пятигорского уезда братьями Калонтаровыми. В данной статье использованы материалы Государственного архива Ставропольского края.

Ключевые слова:
реформа, Пятигорский уезд, проект освобождения, помещики Калонтаровы.

Keywords:
reform, Pyatigorsk district, a project of liberation, landowners the Kalontarovs.

Annotation

This article is devoted to analysis of the socioeconomic features of the peasant reform in the Stavropol region, the main of which was sufficiently low density settlement in the region and the number of serfs. The work includes consideration of the provisions of one of the earliest projects of emancipation of the serfs, created by the largest landowners of the County Pyatigorsk by the Kalantarovs' brothers. The materials in this article are used from the State archive of the Stavropol territory.

Novikova Irina Yevgenyevna –
Master of History, teacher of history and social science at School №6, Russia, Georgievsk.

Освоение Северного Кавказа невозможно представить без учета тех экономических и социальных сдвигов, которые произошли в результате отмены крепостного права. Страна в момент проведения реформ начинает жить более интенсивно, насыщенно, время как бы уплотняется, особенно остро обнажаются все противоречие, которые в результате реформ находят то или иное разрешение. Поэтому реформаторский отрезок истории представляет для нас особый интерес. Что же такое реформа? В чем ее отличие от революции, которая также является одним из видов разрешения общественных противоречий? Существуем множество определений этих процессов, но визуально сущность реформы и революции я бы представила следующим образом: перед вами веревка, в виде которой мы можем вообразить цепь исторических событий, приведших к накоплению противоречий. Если мы узел противоречий разрежем, то получим революцию, которая прерывает логику предшествующего развития общества, как системы и начинает выстраивать новую систему. Если же мы будем развязывать узел, проводя реформы, то мы сохраним преемственность общественного опыта, накопленного ранее живущими поколениями, не сломаем структуру реформируемой системы, а выведем ее на качественно новый уровень. Таким образом, реформа – необходимая корректировка, дающая возможность обществу сохранить традиции, культуру и использовать их дальше в новых условиях, развивая и обогащая общественный опыт, находя компромисс между опытом и новыми идеями. Я развяжу наш узел, поскольку мы будем говорить о реформаторском пути развития нашего региона в XIX веке.Крестьянская реформа на Ставрополье имела целый ряд социоэкономических особенностей, главная из которых заключалась в достаточно низкой плотности заселения региона, что видно из следующей таблицы, составленной на основании данных Государственного архива Ставропольского края (таблица 1).

Данные таблицы обращают наше внимание на две особенности – низкую плотность населения вообще (она составила 4, 8 человек на квадратную версту), и низкую численность дворянского сословия в округе накануне реформы. Для сравнения, в тот же период времени плотность населения Звенигородского уезда Московской губернии составляла 41,9 человек на квадратную версту. Накануне реформы 1861года помещичьи имения были сосредоточены преимущественно в Пятигорском уезде. Помещичье землевладение в губернии не получило широкого распространения. В 1861 году в губернии насчитывалось лишь 49 имений дворян. Для сравнения, в Тверской губернии накануне реформы насчитывалось более 4000 дворянских именийв которых числилось 7942 души крепостных мужского пола [2, с. 89]. Ставропольским помещикам принадлежало 191541 десятина земли, что составляло всего 2,3% от общей площади земли в губернии. По уездам земли и крестьяне распределились следующим образом: (таблица 2).

Все наиболее крупные поместья располагались в Пятигорском уезде: имение братьев Калонтаровых в с. Маслов кут, имение Ребровых в с. Владимировка [3, с. 37]. Первое место по числу крепостных принадлежало Пятигорскому уезду, где к 1859 году было сосредоточено 74% крепостных. На основании данных таблицы мы делаем вывод о том, что Ставропольские

помещики по преимуществу были мелкими не столько по размеру земельных владений, сколько по количеству крепостных крестьян. Удобной земли во владении помещиков было 191541 десятина. Если разделить количество помещичьей земли в Ставропольском уезде на количество крепостных, то мы увидим, что каждый крепостной должен так или иначе обработать 102 десятины. В центральных губерниях по итогам реформы 1861года крестьянские наделы составили 3.3 десятины на душу. Таким образом, очевидна необходимость освоения огромных, по сравнению с центром страны, земельных угодий Ставрополья. Мы можем определить Пятигорский уезд как наиболее нуждающийся и заинтересованный в проведении крестьянской реформы. Косвенно это вывод могут подтвердить данные о ценности поземельных угодий в губернии накануне реформы [Таблица 3].

Возможно, поэтому в пятигорском уезде раньше и острее, чем в других уездах губернии, встал крестьянский вопрос. Именно в Пятигорском уезде, в имении братьев Гавриила и Герасима Калонтаровых произошли крестьянские восстания, вопрос об этих волнениях 28 января 1858 года был доложен самому императору [1, ГАСК, ф.1279, оп. 1, д. 1]. Император, хотя и согласился с тем, что больше в возмущении крестьян виновны местные власти (причина-плохое административное управление), тем не менее, зачинщиков надо наказать в установленном порядке. Император выразил мнение, что оставлять имение в помещичьем владении нецелесообразно, так как «… по присущему простолюдинам невежественному упрямству, будет продолжаться нескончаемая борьба…» [1, ГАСК, ф. 1279, оп. 1, д. 1].Поэтому Император повелел склонить братьев к уступке имения казне. Калонтаровы, чистосердечно желая подчиниться императорской воле, оставив за собою все земли с угодьями, изъявили готовность на отчуждение от себя всех маслокутских крестьян, отпустив их в свободное состояние, в чем и дали подписку. В результате этого конфликта между крестьянами и помещиками родился первый в губернии и один из самых ранних в России проект освобождения крестьян, подписанный в 1858 году братьями Калонтаровыми. Положения этого проекта представляют немалый интерес. За свое освобождение все крестьяне мужского пола старше 18 лет обязаны внести 300 рублей серебром, в возрасте до 10 лет- половину суммы. Крестьянки до 16 лет освобождались за 70 рублей, в возрасте до 10 лет – за 35 рублей [1, ГАСК, ф.1279, оп. 1 д. 1]. В этих выкупных сумма просматривается половая дискриминация, вызванная реалиями патриархального общества. Стоимость свободы мужчины приравнивалась к стоимости четырех коней, которые в 1858 году стоили до 70 рублей. Выкуп мужчины был в 4 раза выше, чем выкуп женщины. По положениям проекта Калонтаровых, престарелые свыше 60 лет и увечные освобождались без выкупа. Взнос распределялся на 5 лет, мог заменяться «работаю, произведениями и другими средствами» [1, ГАСК, ф.1279, оп. 1, д. 1]. Можно было платить и дольше, но не более 12 лет. По взносу платы все семейство крестьян освобождается вместе, но не порознь. Выкуп за годовалых детей составлял 6 рублей. Таким образом, принимая во внимание многочисленность крестьянских семей и одномоментность внесения суммы выкупа можно сделать вывод о тяжелых в финансовом отношении для крестьян условиях освобождения. Тем более, что по проекту Калонтаровых, во время переходного периода обязанности крестьян в отношении помещиков оставались прежними, так как они будут продолжать пользоваться помещичьей землей и угодьями. Значит, времени и сил для отходничества с целью заработать на выкуп у крестьян фактически не оставалось. Однако, сама сумма выкупа, в сравнении с суммами, назначенными позднее по Положению 1861 года для нечерноземных губерний не может считаться высокой так как в нашем регионе основную ценность представляла земля, без которой крестьяне и освобождались по проекту Калонтаровых. Крестьянин, получивший по этому проекту вольную имел право брать с собой только движимое имущество: скот, земледельческие орудия, утварь, домашнюю принадлежность. Но недвижимое имущество – избы, сады, виноградники остаются в распоряжении помещика. То есть, крестьяне, оторванные от основного средства производства – земли вынуждены бы были искать новые средства к существованию и это. В первую очередь, дало бы свободные рабочие руки для развития промышленности губернии. Социальная ситуация, которая сложилась бы, если бы проект был осуществлен, по своей обостренности очень напоминает ситуацию, сложившуюся в Англии в результате процесса огораживания. Иначе говоря, проект Калонтаровых можно рассматривать как проект быстрого буржуазного переустройства общества. Но скорость вообще не свойственна русской истории, несла в себе тяжелую болезненность для крестьян, лишенных в одночасье привычных реалий и жизненных ориентиров и не знающих, что делать со своей свободой. Видимо, Калонтаровы, разрабатывая свой проект, питали надежды что освободятся лишь самые отчаянные, мыслящие по- новому крепостные. А они – то, как раз и менее всего желательны в имении, как возможные возмутители порядка. В проекте присутствуют и некоторые намеки на юридическую защищенность остающихся и временно обязанных крестьян. Так, они не могут быть наказаны без решения суда [1, ГАСК, ф. 1279, оп. 1, д. 1]. На мой взгляд, удивительно передовая и смелая мысль для помещиков-крепостников. Какова же была реакция правительства на этот проект?- На основании того, что Казначейство, не имея никакой выгоды, понесет от этого дела одни убытки, условия проекта были отвергнуты. Император предлагает еще раз склонить помещиков к продаже имения в казну, считая это наилучшим выходом и гарантией от беспорядков. Интересно указание, что «…дело это должно быть решено без всякой огласки» [1, ГАСК, ф.1279, оп. 1, д. 1]. Вот в этой фразе, по-моему, и заключен ключ к отказу правительства. Через чур смелые планы братьев Калонтаровых могли вызвать целую социальную бурю в накаленной до предела обстановке русской деревни.

Работа над проектом освобождения крестьян только начиналась. Первое совещание дворянства по крестьянскому вопросу состоялось 29 мая 1858 года в Доме Дворянских депутатских собраний под председательством дворянского предводителя полковника Капакова после многочисленных отговорок и отписок вышестоящему начальству. На этом заседании присутствовало всего 15 дворян. Столь низкая заинтересованность дворян в работе комитета еще раз указывает на одну из особенностей социально-экономического развития губернии – почти полное отсутствие крупного дворянства, кровно заинтересованного в отстаивании своих интересов при проведении реформы.

Эти особенности были отмечены и в предписании правительства губернскому дворянскому комитету. В предписании говорилось: «…В связи с обширностью земель и немногочисленностью населения в Ставропольской губернии еще не существует усадебной оседлости крестьян в полном объеме. Значит, можно будет предоставить помещикам и крестьянам право по обоюдному согласию определить количество земли, отдаваемой крестьянам и для усадебной оседлости, и для других потребностей, а также назначение за то оброка, работы и даже самой цены выкупа…» [1, ГАСК, Ф.1279, д. 1, оп. 1]. Выводы правительства совпадают с выводами, которые сделаны нами на основании анализа статистических данных.

Как видно из этого предписания, благодаря особенностям своего развития, губерния получила чуть ли не полную свободу в проведении неизбежной и необходимой России, как воздух, крестьянской реформы.

Таблица 2

Распределение помещичьей земли и крепостных крестьян в Ставропольской губернии накануне крестьянской реформы [ГАСК, Ф. 1279, оп. 1 д. 1]

Уезды	Земли	Крепостные крестьяне
Ставропольский	30010 дес.	292
Пятигорский	98641 дес.	5450
Моздокский	9248 дес.	161
Кизлярский	53642 дес.	1445
Итого	191541 дес.	7348

Таблица 1

Социальный состав народонаселения Ставропольского округа в 1860 г. Площадь округа – 6756 квадратных верст [ГАСК, Ф. 1279, оп. 1, д. 1]

Дворян	Купцов	Мещан	Отставных нижних чинов	Контанистов	Мещан духовного звания	Крестьян
Медвежинская волость						
5	10	25	66	12	32	8553
Пелагиадская волость						
–	–	–	117	87	58	11189
Песганокопская волость						
7	23	45	40	–	86	15159
Петровская волость						
–	44	51	38	–	35	7423
12	77	211	183	99	121	32324
Итого 33015 человек						

Таблица 3

Ценность поземельных угодий в Ставропольской губернии накануне крестьянской реформы 1861года [ГАСК, Ф. 1279, оп. 1 д. 1]

	Продажная цена за десятину			*Наемная цена за десятину*		
Уезды	Заселенная земля	Незаселенная земля	Леса	Огородная земля	Пашня	Сенокосы
Ставропольский	33 р.	16 р.	250 р.	18 р.	10 р.	6 р.
Пятигорский	35 р.	17 р.	300 р.	20 р.	12 р.	7 р.
Кизлярский	31 р.	15 р.	126 р.	22 р.	11 р.	5 р.
По губернии	33 р.	16 р.	225 р.	20 р.	11 р.	6 р.

Список литературы

1. ГАСК, Ф. 1279, оп. 1, д. 1
2. Крикунов В.П. Крестьянская реформа 1891 года в Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1949. – 89 с.
3. Чекменев С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани. – Пятигорск, 1967. – 37 с.

References

1. GASK, F. 1279, op. 1, d. 1.
2. Krikunov, V. P. (1949). Krest'ianskaia reforma 1891 goda v Stavropol'skoi gubernii. p. 89. Stavropol'
3. Chekmenev, S. A. (1967). Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Stavropol'ia i Kubani. p. 37. Piatigorsk

Перспективы развития современных научных сообществ как социальных институтов

УДК 9
DOI 10.21661/r-466733

Prospects of development of modern scientific communities as social institutions

Радевская Наталья Станиславовна – канд. пед. наук, доцент ВАК, начальник Управления по маркетингу и рекламе АНО ВО «Смольный институт РАО», Россия, Санкт-Петербург.

Аннотация

В статье рассматриваются наука и социум в их взаимоотношениях и взаимосвязи, проблемы самоорганизации науки. Автор рассуждает о путях и формах науки как социального института, поставленного на службу общественным интересам. Один из выводов заключается в том, что уровень развития науки как института соответствует уровню развития общественных отношений.

Ключевые слова:
наука, общество, развитие, перспективы.

Keywords:
science, society, development, prospects.

Annotation

The article examines the science and society in their relations and interrelations, problems of self-organization of science. The author talks about the ways and forms of science as a social institution at the service of the public interest. One of the conclusions is that the level of development of science as an institution corresponds to the level of development of social relations.

Radevskaya Natalia Stanislavovna – candidate of pedagogical sciences, associate professor of the Higher Attestation Commission, head of Marketing and Advertising Department, Smolny Institute of the Russian Academy of Education, Russia, Saint-Petersburg.

Вектор взаимодействия между наукой и обществом постоянно меняется. В исследованиях как отечественных, так и зарубежных авторов подчеркивается возрастающее влияние науки и техники на различные сферы жизнедеятельности общества. Отмечается, что резкое изменение нашего общения, условий труда, жилищных условий, питания, способов передвижения способствовало не только увеличению продолжительности жизни, изменив её качество, но и привело к тому, что наука породила трансформацию моральных ценностей и основных философских учений человечества. Научившись делать жизнь людей проще, достижения науки и техники поставили человечество в уникальное положение, когда оно стало способно к самоуничтожению.

Так же приходится констатировать и тот факт, что сегодня степень недоверия общества к науке и страха перед технологиями достаточно высока. Во многом это связано с убеждением людей и социальных групп в том, что они окажутся в числе тех, кто пострадает от косвенных негативных последствий технических новшеств, введенных в интересах исключительно привилегированного меньшинства.

Именно поэтому ученые вынуждены учитывать и прогнозировать социальные последствия практического применения или распространения частичной информации о своей работе и разъяснять общественности и политикам степень научной неопределенности или неполноты своих выводов.

Общество и его социальные институты определяют, то каким образом будут распределяться имеющиеся ресурсы, причем не только финансовые, но и кадровые, поощряя проведение исследований в одних областях и ограничивая развитие других отраслей научного знания. Ученые напрямую зависят от интересов и потребностей общества и различных социальных институтов и часто направляют свои научные интересы на темы, которые ими востребованы. Несмотря на то, что финансирование может формировать курс науки, подталкивая его в конкретных направлениях, в конечном итоге оно не может изменить научные выводы, сделанные в ходе этих исследований.

Ускоряющийся спрос на технологии со стороны стран с развивающейся экономикой, мировое признание взаимосвязи биофизических систем планеты и усиление коммуникаций, особенно через Интернет, с одной стороны и значительное удорожание научных исследований (в связи с их масштабностью и сложностью) с другой, способствует развитию трансграничного научного сотрудничества и обмену информацией не только между отдельными исследователями, учреждениями, но государствами в целом.

Важнейшей особенностью современного научного сообщества является то, что оно по сути своей является международным, многие исследователи, обучающиеся за рубежом, работают в различных культурах и регионах мира. Открытость новому и способность работать в мультикультурных и международных командах, делают ученых очень ценными членами общества в целом [5].

Многолетние исследовательские инвестиционные стратегии уступают место совместным моделям, поскольку институты всех видов стремятся использовать глобально распределенную базу талантов. Физические границы, определяющие национальный суверенитет,

представляют собой минимальные барьеры для потока информации и идей и не могут препятствовать объединению исследователей в глобальные сети или расширению глобальных технических инноваций в промышленности. Согласно недавнему исследованию Национального исследовательского совета США, расширение доступа к информации превратило парадигму «контроля и изоляции» информации для управления инновациями в нынешнюю парадигму «взаимодействия и партнерства» между инноваторами для создания инноваций.

В докладе, опубликованном Европейской комиссией по науке и технологиям, отмечается, что за последние несколько десятилетий международный ландшафт существенно изменился. Появились новые игроки, в частности развивающиеся страны, такие как Китай, Бразилия, Индия и Южная Африка. Малые экономики, такие как Вьетнам, в большей степени копируют китайскую стратегию развития науки, технологий и инноваций (НТИ) и ставят ее в центр стратегий экономического развития. И хотя Европа, Япония и Северная Америка по-прежнему доминируют в совокупных инвестициях в научно-технические инновации во всем мире, их доля постоянно сокращается, а международный ландшафт становится все более многополярным [6].

Такой мир, в котором устойчиво распространяются научные и технические инновации, предоставляет как огромные возможности, так и создаёт проблемы для глобального участия в научно-технической деятельности.

Отечественные авторы, например, А.В. Гилоян, подчеркивая особый статус науки в жизни общества, справедливо полагают, что на современном этапе следует вывести науку из сферы политического влияния и полностью интегрировать ее в социум. В связи с бурным развитием цивилизации, учитывая новейшие открытия в самых различных областях, особенно в квантовой физике, кибермедицине, нанотехнологиях, в области искусственного интеллекта и так далее, во избежание опасностей различного характера, интеграция науки необходима. Для этого, в первую очередь, усилия ученых всего мира, должны быть объединены, чтобы не быть орудием в политическом соперничестве между государствами. В связи с этим, научная реформа требуется уже сейчас и основная цель Академического проекта – это внедрение науки в социум путем создания Мирового научного центра, как организации, имеющей право принимать жизненно важные решения в планетарном масштабе [1, с. 67].

Предлагаемый проект является, безусловно, масштабной целью и в перспективе может послужить одним вариантов пути объединения научного сообщества, но в ближайшей перспективе он вряд ли может быть осуществим ввиду усиливающейся конкуренции как в геополитическом пространстве, так и внутрисоциальном. На современном этапе экономика является превалирующим фактором взаимодействия между государствами и научная мысль находит свое отражение преимущественно в данном аспекте, так как конкурентоспособность в экономическом пространстве определяется уникальностью и востребованностью инноваций внедряемых для приобретения или закрепления лидирующих позиций на международном ландшафте.

Также необходимо отметить, что социальная структура общества отражает конкретно-исторический характер и каждой общественно-экономической формации присуща определенная социальная структура как в широком, так и в узком смысле. Те или иные социальные группы играют доминирующую роль на определенном этапе развития общества, соответствуя уровню этого развития [3, с. 50] Сегодня мы видим совершенно разноплановую картину развития социальных, производственных и прочих отношений в глобальном масштабе. Где-то эти отношения устремлены в будущее (Япония, «азиатские тигры» и пр.), где-то мы наблюдаем значительную архаику, общественные отношения, пронизанные феодальным и родоплеменным укладом (Афганистан, страны Африки и пр.) Поэтому, как представляется, предложенные А.В. Гилояном и другими авторами преобразования, направленные на преодоление разрыва между обществом и наукой возможно лишь после максимального нивелирования архаичных черт в политическом, социальном, культурном, экономическом аспектах жизни соответствующих обществ и государств. Так, например, перед нашей страной по-прежнему стоит задача масштабной модернизации [4, с. 3], формирования социально ориентированной рыночной экономики, что предполагает значительное участие государства в решении социальных проблем [2, с. 3].

Но, в целом, взаимодействие когнитивных, социальных, культурных и моральных аспектов в сложных ситуациях дальнейшего развития науки, становятся отличительной ее чертой в XXI веке, что является не только дополнительной проблемой, но и возможностью для науки восстановить интеллектуальную и моральную автономию. Очевидно, что такая возможность может быть использована только в том случае, если свобода самоорганизации науки, которая лежит в основе ее инновационного потенциала, будет укреплена, а не ослаблена дополнительными слоями иерархического контроля со стороны государства и общества [7].

Список литературы

1. Гилоян А.В. Академический проект в концепции «Аксиодемия» // Развитие и актуальные вопросы современной науки: Международный научный журнал / Под ред. В.И. Вахрушева. – Магнитогорск: ИП Вахрушев В.И., 2017. – №3 (3) – С. 65–73.
2. Елисеева Е.А. Социальная политика в странах Западной Европы: Монография. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2015. – 244 с.
3. Зеленков М.Ю. Социально-политические основы процесса модернизации Российского государства в начале XXI века. – М.: Юридический институт МИИТа, 2004. – 162 с.
4. Мокшин В.К. Социально-политический процесс в условиях модернизации современного российского общества: Монография / В.К. Мокшин, О.В. Шипелик. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2014. – 162 с.
5. The Impact of Fundamental Science on Researchers and Society Posted on 13/06/2017 by Michael M. Lerch [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lindau-nobel.org/blog-on-fundamental-science (дата обращения: 29.11.2017).
6. International Cooperation in Science, Technology and Innovation: Strategies for a Changing World. Report of the Expert Group established to support the further development of an EU international STI cooperation strategy. Copyright European Union 2012. – p. 9.
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://edition-open-access.de/studies/1/28/index.html (дата обращения: 29.11.2017).

References

1. Giloian, A. V. (2017). Akademicheskii proekt v kontseptsii "Aksiodemiia". Razvitie i aktual'nye voprosy sovremennoi nauki: Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal, pp. 65-73. Magnitogorsk: IP Vakhrushev V.I.
2. Eliseeva, E. A. (2015). Sotsial'naia politika v stranakh Zapadnoi Evropy: Monografiia, p. 244. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta upravleniia i ekonomiki,
3. Zelenkov, M. Iu. (2004). Sotsial'no-politicheskie osnovy protsessa modernizatsii Rossiiskogo gosudarstva v nachale XXI veka. p. 162. M.: Iuridicheskii institut MIITa
4. Mokshin, V. K., & Shipelik., O. V. (2014). Sotsial'no-politicheskii protsess v usloviiakh modernizatsii sovremennogo rossiiskogo obshchestva: Monografiia. p. 162. Rostov n/D.: Izd-vo IuFU
5. The Impact of Fundamental Science on Researchers and Society Posted on 13. Retrieved from http://www.lindau-nobel.org/blog-on-fundamental-science
6. International Cooperation in Science, Technology and Innovation: Strategies for a Changing World. Report of the Expert Group established to support the further development of an EU international STI cooperation strategy. Copyright European Union 2012. – p. 9.
7. Retrieved from http://edition-open-access.de/studies/1/28/index.html

Соглашения Осло как попытка урегулирования палестино-израильского конфликта: историографический аспект

УДК 327
DOI 10.21661/r-466068

The Oslo accords as an attempt to settle the Israeli-Palestinian conflict: the historiographical aspect

Гофман Артём Владимирович –
магистрант ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»,
Россия, Курск.

Аннотация

Данная работа представляет из себя анализ историографии работ российских исследователей по теме Соглашений Осло. Основной упор делается на роль Соглашений в решении конфликта: это проблема территорий, статус Иерусалима, положение и статус палестинских беженцев, проявления терроризма и политическая обстановка. В результате автор приходит к выводу, что в отечественной научной среде нет единого мнения по вопросу, связанному с Соглашениями Осло. В целом многие исследователи оценивают их как неоднозначные и безрезультативные.

Ключевые слова:
Арабо-израильский конфликт, Палестино-израильский конфликт, Ближний Восток, Израиль, Палестина, историография.

Keywords:
the Arab-Israeli conflict, the Israeli-Palestinian conflict, the Middle East, Israel, Palestine, historiography.

Gofman Artyom Vladimirovich –
graduate student of the Chair of World History at Kursk State University,
Russia, Kursk.

Annotation

The article aims at studying the historiography of the Russian scholars' researches on the Oslo Accords. The key issue is about the role of these Accords in the conflict's settling. This subject includes the problem of territory, the status of Jerusalem, condition and status of the Palestinian refugees, acts of terrorism and political sphere. At the end, author deduces that there is not unified opinion about the Oslo Accords in the Russian historical science. Overall, lots of scientists consider these Accords as controversial and affectless.

На сегодняшний день анализ отечественной историографии по вопросу ближневосточного мирного урегулирования, а именно – соглашений Осло, является актуальным с точки зрения необходимости классификации имеющихся по данной теме исследований и подведения промежуточного итога аналитических изысканий российских специалистов в области истории, международных отношений и политологии. После распада СССР в научной среде появилась возможность «по-новому» взглянуть как на российско-израильские отношения, так и на тенденции развития Израиля в современном мире, без отягощения арабо-израильского конфликта идеологическими факторами. Не обошла стороной данная тенденция и освещение «процесса Осло», когда в 1993 г. были подписаны «Декларация принципов о временных мерах по самоуправлению», а в 1995 г. – «Временное палестино-израильское соглашение по Западному берегу Иордана и Сектору Газы», получившие неофициальные названия «Осло-1» и «Осло-2» [19]. Помимо этого, между этими договорами в 1994 г. были подписаны ещё два соглашения, это «Газа-Иерихон» и «Соглашение о подготовке передачи полномочий и сфер ответственности» [19].

На момент подписания, Соглашения вызвали небывалый энтузиазм, как у политиков и дипломатов, так и у специалистов в области международных отношений и должны были, по мнению многих из них, вывести мирный процесс, а вместе с ним и сами арабо-израильские отношения, на совершенно новый уровень. В реальности результаты оказались далеко неоднозначными, что нашло отражение в появлении большого количества научных работ, как в отечественной, так и в зарубежной историографии, посвящённых рассматриваемой теме. Мы, со своей стороны, предпримем попытку представить авторскую классификацию отечественных исследований, предметом которых выступают тексты соглашений, заключённых в Осло и последствий, к которым привело их заключение.

Имеющиеся исследования, непосредственно касающиеся Соглашений, можно условно разделить на три группы. Первая группа включает работы, авторы которых исходят из того, что «процесс Осло», не смотря на все трудности, в конечном счёте имел положительное значение.

Так, например, видный государственный деятель и учёный-востоковед Е. Примаков писал, что ещё с 1975 г. призывал премьер-министра Израиля И. Рабина отказаться от захваченных после 1967 г. территорий. Позже, когда данное положение стало частью соглашений, он, комментируя позицию Израиля, заметил, что: «Неужели нужны были эти восемнадцать кровавых лет с того момента, чтобы стать реалистом» [25, с. 298–299]? Так же Е. Примаков подверг критике действия США, которые отодвину-

ли Россию и Евросоюз на второй план, отмечая желание Вашингтона вести «сольную партию в миротворческом процессе» [26, с. 205]. Далее, он продолжает, что пришедшие к власти в Израиле в 1996 г. политические силы явно хотели пересмотреть недавно заключённые соглашения. В своём разговоре с премьер-министром Израиля Б. Нетаниягу Е. Примаков прямо заявлял, что: «Россия категорически настаивает на выполнении Израилем мадридской формулы «территории в обмен на мир» [25, с. 307]. В целом он оценивал Соглашения как трудный, достаточно болезненный, но единственный путь достижения мира, отмечая особую важность продолжения палестино-израильских контактов, также как и активизацию деятельности «Ближневосточного квартета» [25, с. 409]. Похожей точки зрения придерживается исследователь Т. Носенко в своей работе «Проблема Иерусалима в ближневосточном урегулировании» [23, с. 95].

Во многом схожие позиции и у востоковеда Г. Мирского. В своей статье «Израиль и палестинцы: самый длительный конфликт» он отмечал, что, несмотря на то, что большая часть пунктов так и осталась на бумаге, тем не менее, нельзя не признать, что за 1990-е годы: «... достигнуто всё же было немало: ООП согласилась с существованием еврейского государства и отказалась от концепции «единой арабской Палестины». Израиль официально признал необходимость территориального компромисса и согласился на учреждение ПНА... Это ещё не согласие на создание палестинского государства, – отмечает Г. Мирский, – но уже реальный шаг в этом направлении» [20, с. 69]. Также он обращал внимание на неисполнение израильскими властями взятых на себя, согласно соглашениям «Осло-1» и «Осло-2», обязательств в области строительства новых поселений на Западном берегу р. Иордан. Продолжение строительства он называет поистине роковой ошибкой Израиля [21, с. 79]. Его поддерживают исследователи А. Манчинский, Н. Беркович и А. Крылов [17, с. 96; 5, с. 49; 13, с. 91– 92].

Вторая группа исследователей, считающая, что «процесс Осло» имел во многом негативное значение, менее многочисленна, чем первая. Так Е. Сатановский придерживается позиции, что: «Как ни парадоксально... именно ставшие притчей во языцех израильские поселения – включая «незаконные форпосты» в Иудее и Самарии, демонстрируют подлинный, построенный на региональных традициях и реальной ситуации механизм симбиоза израильтян и палестинцев», далее заключая, что: «... поселенческое движение в Израиле – реальность объективная», и остановить этот процесс невозможно [27, с. 527– 528]. С его оценками согласен учёный А. Эпштейн, он приводит тот факт, что Западный берег р. Иордан имеет огромное историко-культурное и религиозное значение для евреев. Они не могут просто так взять и отказаться от земли, являющейся частью «исторической Эрец-Исраэль» [35, с. 62]. А. Эпштейн обращает так же внимание на тот факт, что: «соглашения Осло» имели лишь промежуточный статус. [Тем не менее–А.В.] следует отметить, что их фатальный изъян состоял в том, что в них были заложены обязывающие сроки достижения «окончательного» урегулирования, но не были предусмотрены никакие «запасные варианты» [34, с. 374]. Ещё более критично он относится к идее создания палестинского государства, настаивая на том, что его нет и не будет. «... ни Палестинского государства, – пишет А. Эпштейн, – ни какой-либо палестинской национально-территориальной автономии в истории не существовало никогда, у «процесса Осло» не было никаких исторических предшественников и корней» [34, с. 386–387], поэтому любые попытки создать в Палестине два отдельных государства заведомо обречены на провал, что и было доказано недееспособностью «процесса Осло» и последующих мирных инициатив.

Третья группа исследователей, на наш взгляд наиболее многочисленная, исходит из того, что «процесс Осло» имел как положительные, так и отрицательные моменты, которые не перевешивали друг друга.

Так, например исследователь Т. Карасова пишет, что «процесс Осло», несмотря на устоявшееся мнение о его представлении как единого секретного переговорного канала, на самом деле состоял из двух, последовательно взаимодополняющих стадий переговоров [10, с. 299]. Она отмечает: «... многие эксперты сходятся во мнении, что именно секретный характер переговоров в Осло дал возможность обеим сторонам... благополучно довести процесс переговоров до финиша» [10, с. 300]. Т. Карасова утверждает, что значение итогов соглашения «Осло-1», на сегодняшний момент, недооценено. Ведь благодаря ему Израиль и ООП впервые в истории достигли компромисса без серьёзного участия 3-ей стороны. Однако, далеко не всё выглядело так гладко, как на бумаге: «Шёл болезненный процесс преодоления старых страхов и стереотипов» [10, с. 305]. Ещё больший резонанс произвело подписание соглашения «Осло-2», вызвавшее волну острых противоречий в израильском обществе. Тем не менее автор приводит данные соцопросов, которые показывают, что 2/3 израильтян, всё же, одобряли «Осло-2». Ещё одна важная сторона, которую выделяет Т. Карасова, это место израильских арабов в системе соглашений Осло. По её словам: «Начало мирного процесса с палестинцами вызвало среди израильских арабов противоречивое ощущение. Они не получили представительства в мирном процессе, оказались вытесненными на его периферию» [11, с. 101].

Проблема статуса израильских арабов и палестинских арабов носит сложный и неоднозначный характер. Так исследователь А. Листопадова отмечает, что с момента создания ПНА положение израильских арабов в Государстве Израиль стало ухудшаться. «С одной стороны, они не воспринимаются как полноценные израильтяне из-за их связи с палестинцами, с другой, палестинцы считают их предателями» [16, с. 275–276]. Что же касается влияния «процесса Осло» на израильских арабов, то автор пишет, что израильские власти, начиная с 1994 г., стали постепенно отменять дискриминационные меры, по отношению к данной категории населения [16, с. 273–274]. Похожего мнения придерживается и М. Бухаров, заявляя, что: «Помимо палестинцев, постоянно проживающих на территории Израиля и палестинской автономии, есть ещё беженцы, находящиеся в специальных лагерях» [6, с. 33]. Причём автор подчёркивает именно тот факт, что многие из них выходцы

именно с тех территорий, которые входят в состав Израиля. О том, что ни «Осло-1», ни «Осло-2» не расставили все точки над «i» в вопросе статуса палестинцев убеждён исследователь К. Абилов. Фактически после ликвидации британского мандата и образования Израиля: «... палестинцы не приобрели ни статуса апатрида, ни статуса граждан\подданных государств убежища [За исключением Иордании – А.В.], ни полноценного статуса беженца» [1, с. 72]. Для решения этой проблемы, заключает он, в первую очередь, необходимо создание Палестинского государства, которое сможет восстановить институт гражданства.

Выше мы уже упоминали о том, что многие отечественные учёные выделяют неоднозначность соглашений Осло и результатов, к которым они привели. Многие уверены, что «процесс Осло», в действительности, так и остался мирным процессом 90-х гг XX века. Свою позицию они аргументируют следующим образом.

Во-первых, подписание Соглашений вызвало ответную реакцию со стороны определённых политических кругов, выразившуюся в росте террористических актов. Так исследователь Л. Медведко настаивает на том, что: «Убийство Рабина явило собой ещё одно доказательство, что террор и антитеррор на Святой земле идут рука об руку» [18, с. 233]. Не менее категорично высказывается по этой проблеме и автор З. Гейзель, оценивая надежды израильского руководства на то, что Я. Арафат мог усмирить палестинских террористов. Он приходит к выводу, что такого рода суждения были просто неверны сами по себе, и, может быть, даже наивны. «В реальности, – пишет он, – произошло нечто прямо противоположное: террор резко усилился» [8, с. 105]. Схожая мысль прослеживается и у исследователей И. Филиппова, Д. Кузнецова, М. Штереншиса, К. Полякова, А. Хасянова и М. Беленькой [29, с. 291; 15, с. 102–104; 33, с. 526; 24, с. 28–29; 4, с. 267]. Все они сходятся во мнении, что возросшее число террористических актов негативно сказалось на мирном процессе.

Во-вторых, произошла остановка, некая заморозка процесса выполнения соглашений Осло. По мнению И. Звягельской одна из важнейших причин этого заключалась в противоречиях, сконцентрированных вокруг окончательного статуса «процесса Осло». «Главные вопросы конфликта были отложены, и возможность их компромиссного решения оставалась открытой. Они были фактически поставлены в жёсткую зависимость от предыдущих этапов урегулирования – любое осложнение отодвигало их решение всё дальше и дальше» [12, с. 113]. Так же И. Звягельская, как и А. Чистяков, В. Морозов, И. Чайко и С. Гасратян считают, что не менее значимым фактором в саботировании выполнении соглашений Осло стал приход в 1996 г. к власти в Израиле партии Ликуд во главе с Б. Нетаниягу. «Понимая, что прямая денонсация израильско-палестинских соглашений, – пишет И. Звягельская, – неизбежно повлекла бы за собой самые серьёзные политические последствия. [Однако, Б. Нетаниягу – А.В.] был вынужден смириться с реальностью, но при этом делал всё, чтобы заморозить мирный процесс» [12, с. 114; 32, с. 260; 22, с. 76; 31, с. 323; 7, с. 44].

В-третьих, в результате стагнации переговорного процесса произошёл рост разочарования среди израильтян и палестинцев. Так А. Захарченко в своей работе пишет: «После длительного переговорного процесса и подписания многочисленных соглашений... ни палестинцы, ни Израиль не достигли своих главных целей», отмечая, что интифада Аль-Аксы явилась: «прямым следствием разочарования палестинцев в мирном процессе, семилетним итогом которого стало отсутствие независимого палестинского государства и возрастающая бедность» [9, с. 24]. Схожей точки зрения придерживаются исследователи М. Ханикова, А. Федорченко, О. Зайцева и Д. Марьясис [30, с. 243–244; 28, с. 98–99].

И в-четвёртых, это проблема статуса Иерусалима. Авторы Ю. Балашов, М. Вагин, О, Колобов и А. Корнилов обращают наше внимание на нерешённость данной проблемы даже после подписания соглашений Осло [3, с. 122–123]. О том, что вопрос о статусе Иерусалима остаётся открытым соглашаются Т. Махмутов, А.В. Крылов и А. Федорченко [14, с. 72]. В свою очередь С. Багдасаров отмечает, что неправильно просто так взять и разделить Иерусалим на западный и восточный для Израиля и Палестины соответственно, город имеет более сложную структуру, делясь на кварталы, например Армянский квартал со своими святынями [2, с. 276–278]. Любые попытки включить в свою сферу влияния как можно большую часть Старого города, чревато обострением конфликта.

Таким образом можно сделать следующий вывод, многие исследователи согласны с тем, что соглашения Осло не привели к каким-либо серьёзным результатам, а сами соглашения были далеко неоднозначными. Фактически произошла остановка выполнения соглашений, что породило разочарование, в свою очередь, вылившееся в рост терроризма и радикализма, также обострилась межфракционная борьба. На лицо три наиболее важные проблемы: это статус Иерусалима, положение беженцев и строительство поселений. В отечественной историографии изучение соглашений Осло, в преломлении к обозначенным проблемам, формирует три группы. Во-первых, это в общем позитивное оценивание Соглашений, подчёркивается важность продолжения переговоров и достижения консенсуса. Во-вторых, это более пессимистическое, негативное отношение. И в-третьих, это относительно сдержанное, нейтральное отношение к Соглашениям. Тем не менее, нельзя не отметить тот факт, что все эти исследования представляют значительный интерес для исторической науки, так как позволяют анализировать «процесс Осло» с разных точек зрения.

Список литературы

1. Абилов К.А. Международно-правовое положение палестинцев [Текст]. Ближний Восток и современность. Сборник статей (выпуск двадцатый). – М., 2003. – 396 с.
2. Багдасаров С. Ближний Восток [Текст]: вечный конфликт. – М.: Эксмо, 2016. – 288 с.
3. Балашов Ю.А. Международные отношения на Ближнем Востоке в XX веке [Текст]: Учебное пособие / Ю.А. Балашов, М.В. Вагин, О.А. Колобов, А.А. Корнилов. – Нижний Новгород: ФМО ННГУ, 2002. – 148 с.
4. Беленькая М.Б. Палестино-израильское урегулирование сквозь призму общественного мнения [Текст] // Востоковедный сборник. – М., 2007. – Вып. 8. – 490 с.
5. Беркович Н. Палестинский этнос и Палестинское государство: второе десятилетие XXI века [Текст]. Арабо-израильский конфликт и роль России в его урегулировании: Материалы международного научно-практического симпозиума (14–15 мая 2010 г.): В 2 томах. Т. II / Под. ред. Б.М. Ягудина. – Казнь: «Intelpress+», 2013. – 186 с.
6. Бухаров М. Российская политика в урегулировании арабо-израильского конфликта в первое десятилетие XXI века [Текст]. Арабо-израильский конфликт и роль России в его урегулировании: Материалы международного научно-практического симпозиума (14–15 мая 2010 г.): В 2 томах. Т. II / Под. ред. Б.М. Ягудина. – Казнь: «Intelpress+», 2013. – 186 с.
7. Гасратян С.М. Отношения Израиля и Египта на современном этапе [Текст]. Актуальные проблемы современных международных отношений в Азии и Африке. 2015. – М.: ИВ РАН, 2016. – 152 с.
8. Гейзель З. Политические структуры Государства Израиль [Текст]. – М., 2001. – 391 с.
9. Захарченко А.Н. США и проблема урегулирования арабо-израильского конфликта (1999–2001 гг.) [Текст] // Востоковедный сборник (выпуск третий). – М., 2002. – 309 с.
10. Карасова Т.А. Израиль и США: Основные этапы становления стратегического партнёрства (1948–2014) [Текст]. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 464 с.
11. Карасова Т.А. Политика в отношении арабского меньшинства в Государстве Израиль [Текст] // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – №340. – С. 99–103.
12. Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные [Текст]: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 512 с.
13. Крылов А.В. Израильские поселения на оккупированных территориях (1967–2007 гг) [Текст]. – М.: МГИМО-Университет, 2011. – 340 с.
14. Крылов А.В. Политические системы современных государств: Энциклопедический справочник [Текст]: В 4 т. Т. 2 / А.В. Крылов, Т.А. Махмутов, А.В. Федорченко. Азия. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 599 с.
15. Кузнецов А.Д. Арабо-израильский конфликт [Текст]: История и современность. Очерк событий. Документы и материалы: Учебное пособие. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2006. – 289 с.
16. Листопадова А.В. Арабский сектор в современном израильском обществе [Текст] // Востоковедный сборник (выпуск шестой). – М., 2004. – 328 с.
17. Манчинский А.Я. Ближний Восток: никогда не прекращающаяся война. Ретроспектива (1982(2006) [Текст]. Арабо-израильский конфликт и роль России в его урегулировании: Материалы международного научно-практического симпозиума (14–15 мая 2010 г.): В 2 . Т. II / Под. ред. Б.М. Ягудина. – Казнь: «Intelpress+», 2013. – 186 с.
18. Медведко Л.И. Восток – дело близкое. Иерусалим – святое [Текст]. – М.: Грифон, 2009. – 399 с.
19. Министерство Иностранных дел Израиля. Двухсторонние переговоры. Израиль – палестинцы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mfa.gov.il/MFARUS/ForeignRelations/PeaceProcess/Pages/BilateralPalestinians.aspx
20. Мирский Г.И. Израиль и палестинцы: самый длительный конфликт [Текст]. Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – №4. – С. 66–74.
21. Мирский Г.И. Международные отношения на Ближнем Востоке [Текст]. Азия и Африка в современной мировой политике: Сборник статей. – М.: ИМЭМО РАН, 2012. – 203 с.
22. Морозов В.М. Палестино-израильские переговоры (1995–2001 гг.) [Текст] // Востоковедный сборник (выпуск третий). – М., 2002. – 309 с.
23. Носенко Т.В. Проблема Иерусалима в ближневосточном урегулировании [Текст]. Ближний Восток и современность: Сборник статей. – М., 1999. – Вып. 7. – 490 с.
24. Поляков К.И. Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства [Текст] / К.И. Поляков, А.Ж. Хасянов. – М., 2001.
25. Примаков Е.М. Конфиденциально [Текст]: Ближний Восток на сцене и за кулисами. – М.: ЗАО Центр-полиграф, 2016. – 415 с.
26. Примаков Е.М. Встречи на перекрёстках. – М., 2015.
27. Сатановский Е.Я. Котёл с неприятностями [Текст]. Ближний Восток для «чайников». – М.: Э, 2016. – 576 с.
28. Федорченко А.В. Израиль в начале XXI века [Текст] / А.В. Федорченко, О.А. Зайцева, Д.А. Марьясис. Обзор политических событий и экономического развития за 2003 г. – М., 2004. – 344 с.
29. Филиппов И.Б. Политика Государства Израиль в борьбе с арабским терроризмом [Текст] // Востоковедный сборник. – М., 2002. Вып. 3. – 309 с.
30. Ханикова М.В. Международное содействие урегулированию политического кризиса на Ближнем Востоке (май 1996 (май 1999) [Текст] // Востоковедный сборник. – М., 2003. – Вып. 5 – 456 с.
31. Чайко И.А. К развитию палестино-израильского конфликта [Текст] // Востоковедный сборник. – М., 2002. – Вып. 4. – 368 с.
32. Чистяков А.Ф. Палестино-израильский конфликт: от переговоров к конфронтации [Текст]. Ближний Восток и современность: Сборник статей. – М., 2001. – Вып. 12. – 338 с.
33. Штереншис М. История Государства Израиль [Текст]. – Герцлия: ISRADON, 2005. – 720 с.
34. Эпштейн А.Д. Горизонты и миражи палестинской государственности [Текст]. – М.: Институт Ближнего Востока, 2016. – 432 с.

35. Эпштейн А.Д. Израильтяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно [Текст]. – М.: Мосты культуры – Гешарим, 2009. – 192 с.

References

1. Abilov, K. A. (2003). Mezhdunarodno-pravovoe polozhenie palestintsev. Blizhnii Vostok i sovremennost'. Sbornik statei (vypusk dvadtsatyi). p. 396. M.
2. Bagdasarov, S. (2016). Blizhnii Vostok. p. 288. M.: Eksmo
3. Balashov, Iu. A., Vagin, M. V., Kolobov, O. A., & Kornilov, A.. A.. (2002). Mezhdunarodnye otnosheniia na Blizhnem Vostoke v XX veke : Uchebnoe posobie. p. 148. Nizhnii Novgorod: FMO NNGU
4. Belen'kaia, M. B. (2007). Palestino-izrail'skoe uregulirovanie skvoz' prizmu obshchestvennogo mneniia. Vostokovednyi sbornik, p. 490. M.
5. Berkovich, N., & Iagudina, B. M. (2013). Palestinskii etnos i Palestinskoe gosudarstvo: vtoroe desiatiletie XXI veka . Arabo-izrail'skii konflikt i rol' Rossii v ego uregulirovanii: Materialy mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo simpoziuma (14-15 maia 2010 g.): V 2 tomakh. T. II. p. 186. Kazn' : "Intelpress+"
6. Bukharov, M. (2013). Rossiiskaia politika v uregulirovanii arabo-izrail'skogo konflikta v pervoe desiatiletie XXI veka . Arabo-izrail'skii konflikt i rol' Rossii v ego uregulirovanii: Materialy mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo simpoziuma (14–15 maia 2010 g.): V 2 tomakh. T. II. p. 186. Kazn': "Intelpress+"
7. Gasratian, S. M. (2016). Otnosheniia Izrailia i Egipta na sovremennom etape . Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii v Azii i Afrike. 2015. p. 152. M.: IV RAN
8. Geizel', Z. (2001). Politicheskie struktury Gosudarstva Izrail'. p. 391. M.
9. Zakharchenko, A. N. (2002). SShA i problema uregulirovaniia arabo-izrail'skogo konflikta (1999–2001 gg.). Vostokovednyi sbornik (vypusk tretii), p. 309. M.
10. Karasova, T. A. (2015). Izrail' i SShA: Osnovnye etapy stanovleniia strategicheskogo partniorstva (1948–2014). p. 464. M.: Aspekt Press
11. Karasova, T. A. (2010). Politika v otnoshenii arabskogo men'shinstva v Gosudarstve Izrail'. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 340, pp. 99–103.
12. (2008). Konflikty na Vostoke: Etnicheskie i konfessional'nye : Uchebnoe posobie dlia studentov vuzov. M.: Aspekt Press
13. Krylov, A. V. (2011). Izrail'skie poseleniia na okkupirovannykh territoriiakh (1967–2007 gg). p. 340. M.: MGIMO-Universitet
14. Krylov, A. V., Makhmutov, T. A., & Fedorchenko, A. V. (2012). Politicheskie sistemy sovremennykh gosudarstv: Entsiklopedicheskii spravochnik : V 4 tomakh. T. 2. p. 599. M.: Aspekt Press
15. Kuznetsov, A. D. (2006). Arabo-izrail'skii konflikt : Istoriia i sovremennost'. Ocherk sobytii. Dokumenty i materialy: Uchebnoe posobie. p. 289. Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU
16. Listopadova, A. V. (2004). Arabskii sektor v sovremennom izrail'skom obshchestve. Vostokovednyi sbornik (vypusk shestoi), p. 328. M.
17. Manchinskii, A. Ia. Blizhnii Vostok: nikogda ne prekrashchaiushchaiasia voina. Retrospektiva (1982–2006) . Arabo-izrail'skii konflikt i rol' Rossii v ego uregulirovanii: Materialy mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo simpoziuma (14–15 maia 2010 g.): V 2 tomakh. T. II. p. 186. Kazn' : "Intelpress+"
18. Medvedko, L. I. (2009). Vostok - delo blizkoe. Ierusalim – sviatoe. p. 399. M.: Grifon
19. Ministerstvo Inostrannykh del Izrailia. Dvukhstoronnie peregovory. Izrail' – palestintsy. Retrieved from http://mfa.gov.il/MFARUS/ForeignRelations/PeaceProcess/Pages/BilateralPalestinians.aspx
20. Mirskii, G. I. Izrail' i palestintsy: samyi dlitel'nyi konflikt. pp. 66–74.
21. Mirskii, G. I. (2012). Mezhdunarodnye otnosheniia na Blizhnem Vostoke . Aziia i Afrika v sovremennoi mirovoi politike: Sbornik statei. p. 203. M.: IMEMO RAN
22. Morozov, V. M. (2002). Palestino-izrail'skie peregovory (1995–2001 gg.). Vostokovednyi sbornik (vypusk tretii), p. 309. M.
23. Nosenko, T. V. (1999). Problema Ierusalima v blizhnevostochnom uregulirovanii . Blizhnii Vostok i sovremennost': Sbornik statei. p. 490. M.
24. Poliakov, K. I., & Khasianov, A. Zh. (2001). Palestinskaia natsional'naia avtonomiia: opyt gosudarstvennogo stroitel'stva. M.
25. Primakov, E. M. (2016). Konfidentsial'no : Blizhnii Vostok na stsene i za kulisami. p. 415. M.: ZAO Tsentr-poligraf
26. Primakov, E. M. (2015). Vstrechi na perekriostkakh. M.
27. Satanovskii, E. Ia. (2016). Kotiol s nepriiatnostiami. Blizhnii Vostok dlia "chainikov". p. 576. M.: E
28. Fedorchenko, A. V., Zaitseva, O. A., & Mar'iasis, D. A. (2004). Izrail' v nachale XXI veka. p. 344. M.
29. Filippov, I. B. (2002). Politika Gosudarstva Izrail' v bor'be s arabskim terrorizmom. Vostokovednyi sbornik, p. 309. M.
30. Khanikova, M. V. (2003). Mezhdunarodnoe sodeistvie uregulirovaniiu politicheskogo krizisa na Blizhnem Vostoke (mai 1996 – mai 1999). Vostokovednyi sbornik, p. 456. M.
31. Chaiko, I. A. (2002). K razvitiiu palestino-izrail'skogo konflikta. Vostokovednyi sbornik, p. 368. M.
32. Chistiakov, A. F. (2001). Palestino-izrail'skii konflikt: ot peregovorov k konfrontatsii . Blizhnii Vostok i sovremennost': Sbornik statei. p. 338. M.
33. Shterenshis, M. (2005). Istoriia Gosudarstva Izrail'. p. 720. Gertsliia: ISRADON
34. Epshtein, A. D. (2016). Gorizonty i mirazhi palestinskoi gosudarstvennosti. p. 432. M.: Institut Blizhnego Vostoka
35. Epshtein, A. D. (2009). Izrail'tiane i palestintsy. p. 192. M: Mosty kul'tury

Референдум в Шотландии 2014 года: история и последствия

УДК 9
DOI 10.21661/r-465526

Referendum in Scotland in 2014: history and implications

Куликов Никита Анатольевич –
канд. ист. наук, доцент кафедры «Теория и практика таможенного дела»
ЧОУ ВО «Сочинский институт моды, бизнеса и права», Россия, Сочи;
магистрант Северо-Западного института управления (филиала)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»,
Россия, Санкт-Петербург.

Аннотация

В статье анализируется референдум в Шотландии 2014 г. как мирный способ народного самоопределения данной исторической части Соединенного Королевства. Автор полагает, что референдум способен решить вопрос о суверенитете и предотвратить сецессию лишь тогда, когда он проводится легально и с одобрения центральных органов власти государств, которые испытывают на себе бремя сепаратизма.

Ключевые слова:
референдум, Шотландия, Брексит, независимость, сепаратизм, сецессия.

Keywords:
referendum, Scotland, Brexit, independence, separatism, secession.

Annotation

The article is devoted to the analysis of the referendum in Scotland in 2014 as a peaceful way of people's self-determination of this historical part of the United Kingdom. The author believes that the referendum is able to resolve the issue of sovereignty, and to prevent secession only if it is conducted legally and with the approval of the central authorities of states that are under the burden of separatism.

Kulikov Nikita Anatolievich –
candidate of historical sciences, associate professor of the Department of Theory and Practice of Customs Affairs at the Sochi Institute of Fashion, Business and Law, Russia, Sochi; postgraduate student at the North-West Institute of Management (branch) of The Russi an Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Saint-Petersburg.

Референдум (народная инициатива, плебисцит) является не только высшим и непосредственным выражением власти народа, как носителя суверенитета, но и в некоторых случаях (при сепаратизме), эффективным способом самоопределения: сохранение того или иного региона в составе единого государства или выход из него. В положении, когда урегулирование этнополитических конфликтов заходит в тупик, референдум помогает выйти из него [4, с. 205]: сецессия либо подтверждается населением, либо отклоняется им.

Центральной проблемой референдума является его признание или непризнание центральными властями государства, остальными его регионами и международным сообществом в целом. В случаях непризнания референдума, как правило, происходит силовое или правовое подавление мятежных территорий, против них вводятся санкции.

Референдум о независимости также может считаться целесообразным центральными властями в одни временные периоды и нецелесообразным в другие: так правительство Великобритании поддержало референдум о независимости Шотландии в 2014 г. [2], но в связи с необходимостью Брексита, высказалось против его проведения в 2018–2019 гг.

В Великобритании отсутствие писаной конституции способствует тому, чтобы проведение референдума об отделении частей страны и обретении ими независимости через данную процедуру, можно было бы считать законным. Однако наличие Акта об унии 1707 г. (с Шотландией) существенно ограничивает права данного исторического региона на отделение в одностороннем порядке, без предварительного одобрения властей в Лондоне, и в противном случае, делая плебисцит нелегитимным и непризнанным мировым сообществом.

В 2012 г., однако, Шотландии удалось добиться от Лондона подписания соглашения о проведении референдума о независимости в 2014 г., что придавало ему юридическую силу и делало его легитимным. На это пошли премьер-министры Великобритании Дэвид Кэмерон и Шотландии Алекс Салмонд: первый, рассчитывая на то, что референдум окончательно снимет вопрос о независимости Шотландии с повестки дня при положительном исходе, или позволит урегулировать вопрос о ее выходе (через соблюдение определенных условий) при отрицательном, а второй – что шотландцы выскажутся за сецессию. Правительством Шотландии была разработана «Белая книга» [5, с. 7] («руководство по обретению независимости Шотландии»), которая на 670 страницах отразила взгляд шотландских националистов на радужное будущее Шотландии в случае получения независимости от Великобритании.

В книге детально раскрыто, как постепенно и позитивно будет реализовываться шотландский суверенитет, показаны экономические, социальные, политические преимущества от сецессии. При этом во вступительном слове, указывалось, что референдум об обретении независимости является уникальным шансом для нынешнего поколения шотландцев, и что они не должны упускать подобной возможности, которая на их веку едва ли еще раз представится. Тем самым указывалось судьбоносность момента и важность выбора шотландцами их будущего.

В Шотландии возникло общественно-политическое движение «Лучше вместе», которое выступало за сохранение этой части Великобритании в

ее составе. Одновременно активизировались и националистические партии, которые устраивали митинги и шествия в поддержку идей о независимости.

В марте 2013 г. была определена дата проведения референдума – 18 сентября 2014 г., а также дата провозглашения независимости в случае положительного исхода референдума – 24 марта 2016 г., т.е. в тот самый день, когда в 1707 г. была подписана уния. Правительством Шотландии также планировалось принять собственную демократическую конституцию.

Однако по договоренности с Лондоном, было принято решение оставить Королеву Великобритании в качестве главы государства, как и фунт стерлингов в качестве единой валюты. Таким образом, разрыв с Великобританией был не окончательным и бесповоротным, а наоборот, указывалось на необходимость сохранения исторических связей, но уже в исключительных интересах Шотландии как независимого государства.

Было также определено [5, с. 13], что право участвовать в референдуме имеют жители Шотландии, а также постоянно проживающие в ней граждане Содружества и ЕС. Предложение Палаты Лордов о том, чтобы в референдуме участвовали все жители Соединенного Королевства, так как отделение Шотландии окажет влияние на все государство, не нашло поддержки у Правительства Британии в связи с отсутствием подобных прецедентов.

Примечательно, что шотландский парламент предложил понизить возрастной ценз для участия в выборах для избирателей до 16 лет, но инициатива не нашла поддержки. Постепенно по мере приближения к дате референдума, стали обостряться вопросы, которые ранее казались уже согласованными: часть членов Правительства Шотландии высказалась за отказ от фунта стерлингов или за создание особого валютного союза с Великобританией, кроме того не ясной оставалась возможность сохранения новообразованного государства в ЕС. В мая 2014 г., воспользовавшись данным замешательством, премьер-министр Соединенного Королевства пообещал шотландцам дальнейшую деволюцию и расширение их финансово-экономической самостоятельности, если они проголосуют против сецессии. Это стало возможным по новому «Акту о Шотландии», который вступал в силу в 2016 г, и гарантировал шотландцам возможность регулировать налоги.

Таким образом, в экономической политике по отношению к Шотландии наметились определенные сдвиги, но Акт не предоставил полной бюджетной независимости, которая бы позволила шотландцам управлять их финансами.

Предварительные опросы населения в 2014 г. показывали, что предугадать исход референдума было практически не возможно. В день голосования шотландцы должны были ответить лишь на один вопрос в бюллетене, который касался того, что должна ли Шотландия стать независимой. Из более чем 4 млн. зарегистрированных избирателей в референдуме приняли участие почти 3,5 млн. человек (явка 84,5%) [1]. За независимость высказалось 44,7% избирателей, за сохранение союза – 55,3.

Шотландия осталась в составе Соединенного Королевства, а результаты референдума признаны шотландскими националистами, которые, однако, не утратили надежду на независимость и ждали подходящего момента для проведения нового референдума. И он им представился в 2016 г., как они полагали, благодаря Брекситу, который сильно изменял политическую ситуацию в Европе. Кроме того, как показал референдум по выходу Британии из ЕС, в Шотландии 1,6 млн человек высказались против Брексита. Это обосновало второй плебисцит по независимости в 2018–2019 гг., который вряд ли будет одобрен Великобританией, признан законным и проведен, особенно после того, как в 2017 г. ШНП – главный идеолог сецессии, потеряла 21 место в Палате общин, что говорит о падении ее популярности у шотландских избирателей, которые ранее поддерживали ее [3].

Однако Шотландия в будущем способна стать независимым государством по результатам нового народного волеизъявления: хотя шотландцы и отказались от своей независимости по референдуму 2014 г., не исключено его повторное проведение при подходящей возможности и одобрении со стороны Лондона.

Список литературы

1. Сошин Д. Парламент Шотландии проголосовал за проведение второго референдума / Д. Сошин [Электронный ресурс] // Выпуск новостей «Первый канал», от 28.03.2017. – Режим доступа: https://1tv.ru/news/2017–03–28/322436parlament_shotlandii_progolosoval_za_provedenie_vtorogo_referenduma_o_nezavisimosti_ot_velikobritanii

2. Her Majesty's Government of the UK (Правительство Соединенного Королевства) [Electronic source]. – Access mode: https://gov.uk (date of access: 07.11.2017).

3. The House of Commons of the UK (Палата Общин Великобритании) [Electronic source]. – Access mode: https://parliament.uk (date of access: 07.11.2017).

4. The Politics of Ethnic Conflict Regulation / Ed. by J. McGarry, B. O'Leary. – Oxon: Routledge, 2013. – P. 205.

5. White book: Scotland's future. – Edinburgh: The Scottish Government and St Andrew's House, 2013. – 670 p.

References

1. Soshin D. Parlament Shotlandii progolosoval za provedenie vtorogo referenduma. Retrieved from https://1tv.ru/news/2017-03-28/322436parlament_shotlandii_progolosoval_za_provedenie_vtorogo_referenduma_o_nezavisimosti_ot_velikobritanii

2. Her Majesty's Government of the UK (Pravitel'stvo Soedinennogo Korolevstva) [Electronic source]. – Retrieved from https://gov.uk

3. The House of Commons of the UK (Palata Obshchin Velikobritanii) [Electronic source]. – Retrieved from https://parliament.uk

4. The Politics of Ethnic Conflict Regulation.

5. White book: Scotland's future. Edinburgh: The Scottish Government and St Andrew's House

Деятельность печатного органа политотдела МТС (по материалам газеты «Сталинец»)

УДК 433
DOI 10.21661/r-464717

The activity of the press organ of MTS political department (based on the "Stalinets" newspaper)

Рыболова Елена Анатольевна –
канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Россия, Белгород.

Аннотация

По мнению автора, при политических отделах МТС открывались печатные издания, оказавшие помощь в новом деле – становлении колхозов в деревне. В сравнении с другими советскими газетами 30-х гг. печатный орган политотдела МТС выполнял свои специфические функции.

Ключевые слова:
политотдел, МТС, газета «Сталинец», публикация, Белгородский район, колхоз, коммунистическая партия, советская власть.

Keywords:
political department, MTS, newspaper «Stalinets», publication, Belgorod region, collective farm, communist party, Soviet government.

Annotation

According to the author, political sections of the MTS (machine-tractor station) had opened print publications that contributed to the development of new business – the establishment of collective farms in the countryside. In comparison with other Soviet newspapers of the 1930s, the press organ of the MTS political department was carrying out its specific functions.

Rybolova Elena Anatolyevna –
candidate of historical sciences, senior lecturer of the General History Department at FSAEI of HE "Belgorod State National Research University", Russia, Belgorod.

В январе 1933 г. по решению Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) были сформированы политотделы МТС, просуществовавшие всего около двух лет. За столь небольшой срок ими была проделана разноплановая работа по оказанию помощи колхозам в период их активного строительства. Политотделы должны были стать действенным инструментов по воплощению планов партии в отношении сельского хозяйства. «Пока в деревне преобладал единоличный хозяин, партия могла ог¬раничить свое вмешательство в дело развития сельского хозяйства отдельными актами помощи, совета или предупреждения. (…) С переходом на коллективное хозяйство дело существенно изменилось. (…) Это значит, что партия уже не может ограничиваться отдельными актами вмешательства в про¬цесс сельскохозяйственного развития. Она должна теперь взять в свои руки руководство колхозами, принять на себя ответственность за работу [2, с. 222–223].

Создавались политотделы МТС на рубеже первой и второй пятилетки, когда в сельском хозяйстве существовал целый комплекс проблем, таких как слабая организация труда, низкая производительность труда, спад сельскохозяйственного производства, снижение поголовья скота. И как бы оптимистично не звучали с трибун отчеты по результатам первой пятилетки, цифры говорили об обратном – ни один из намеченных показателей не был достигнут. По пятилетнему плану урожайность основных сельскохозяйственных культур должна была повыситься на 35% по сравнению с 1928 годом. На деле урожайность зерновых культур составила в 1932 г. 7 млн центнеров с одного гектара против 7,9 млн центнеров в 1928 г., хлопчатника – 5,9 млн центнеров против 8,5, сахарной свеклы – 43 млн центнеров против 132, подсолнечника – 2,1 млн центнеров против 5,4, льна – 2 млн центнеров против 2,4, картофеля – 71 млн центнеров против 82, овощей– 79 млн центнеров против 132 [1, с. 368].

Материальное положение крестьян настолько было тяжелым, что грозило социальным взрывом. К тому же сельское хозяйство оставалось источником финансирования индустриализации. Все это требовало экстренных мер по ликвидации негативных явлений в колхозной практике.

В штате политотдела МТС состояло 6 человек: начальник, один заместитель по партийно-массовой работе и один представитель ОГПУ; один помощник по комсомольской работе и один по работе среди женщин, а также редактор много тиражной газеты.

Политотделы МТС были в целом призваны улучшить политическую и хозяйственную работу в колхозах и совхозах. Первой цели можно было достичь придерживаясь правила «кнута и пряника», что нашло свое отражение в местных печатных органах политотделов МТС.

Печатным рупором деятельности политотделов в Белгородском районе, входившим в то время в Центрально-Черноземную область, стала газета «Сталинец», открытая политотделом МТС в февраля 1933 г. Поначалу выходила 1 раз в пять дней, а с февраля 1934 г. – ежедневно. В состав сотрудников газеты входили: редактор, ответственный секретарь (он же выпускающий), массовик, литработник, корректор, машинистка-делопроизводитель и бухгалтер. За редакцией была закреплена лошадь, на которой по колхозам развозились свежие номера. В колхозных красных уголках, избах-читальнях, в поле во время отдыха проводилась читка газеты в слух, с последующим обсуждением главных тем.

В одном из первых номеров была опубликована статья раскрывающая направления предстоящей работы поли-

тотдела МТС в Белгородской районе. Во-первых, предстояло организовать работу по подготовке к весенней посевной компании. Во-вторых, проконтролировать ремонт сельхозтехники и наличие рабочих лошадей, задействованных в посевной компании. В-третьих, обсуждалась проблема подбора кадров (бригадиров, трактористов, счетоводов, конюхов и т. д.) И последняя задача, была связана с заветной мечтой – сделать колхозников зажиточными людьми [3, с. 1].

Посевные и уборочные компании занимали центральное место в деятельности политотделов МТС, что находило отображение в материалах газеты «Сталинец». Вот типичные названия статей «Ударной работой на полях обеспечим выполнение посевного плана», «Сводка с посевного фронта», «Взять на буксир колхоз «День урожая» и т. д. В этих статьях не только подводились предварительные итоги работы на полях, но звучали призывы ликвидировать те или иные недостатки, выдвигались конкретные предложения в помощи отстающим колхозам. Заголовки гневных заметок были категоричны в отношении тех, из-за кого наблюдается затягивания в сроках выполнения госплана: «Головотяпы срывают сев», «Покончить с безобразным отставанием в севе». Существовала постоянная рубрика «Черная доска», где, говоря терминологией того времени, прорабатывали конкретного колхозника или руководителя. «Председатель колхоза Шуваев вместо того, чтобы наверстать в эти дни упущенное, окончательно бездействует. …Шуваев потонул в оппортунистическом болоте. …Правленцы колхоза занимаются очковтирательством…» [4, с. 2].

Обвинения в адрес виновных были как неоправданными, продиктованные стремлением найти того, но кого можно было бы списать провалы в работе, так и справедливыми. Заинтересованность колхозников в результатах труда, из-за слабого материального стимула, была крайне низкой. Поэтому работников, от простого колхозника до председателя колхоза, подстегивали с помощью трудового энтузиазма. Между бригадами и целыми колхозами устраивалось «социалистическое соревнование» на звание ударника, лучшее звено, бригаду, на лучший колхоз, что находило широкое освещение в прессе.

Во многом качество полевых работ зависело от подготовленности техники, от правильной ее эксплуатации и своевременного ремонта. Через прессу политотдел обращался к тракторным бригадам с призывом: «Вам, передовым людям, большевистских колхозов Коммунистическая партия и Советская власть доверила главную машину социалистических полей – трактор, который решает успех высокого урожая и на деле обеспечивает боевой лозунг любимого вождя пролетариата тов. Сталина, в ближайшие 2–3 года сделать каждого колхозника бедняка и середняка зажиточным» [5, с. 2]. Работники политотдела, выезжавшие на поля и не понаслышке знавшие о проблемах в горячую пору уборочных и посевных, публиковали конкретные рекомендации для их преодоления. Так, например, предлагалось увеличить эксплуатацию каждого трактора в сутки до 20 часов. Не допускать аварий и поломок за счет ежедневного осмотра техники. Повышать уровень знаний трактористов с тем, чтобы они самостоятельно могли в случае необходимости провести ремонтные работы. Трактористов призывали беречь горючее и т. д.

«Сталинец» писал и о бережном отношении к тягловой силе, которую по прежнему активно использовали в колхозной жизни (статьи: «Скоту теплую зимовку», «Коню предпосевной отпуск» и т. д.).

Многие недостатки и трудности напрямую были связаны с кадровой проблемой. Руководящему звену зачастую не хватало знаний, опыта, личностных качеств необходимых для эффективного исполнения возложенных на них обязанностей. Однако политотделы с подачи высших партийных органов, как правило усматривали в допущенных ошибках злой умысел враждебных сил. Пресса пестрела заголовками подобного рода: «Чужой элемент – вон из колхоза» или «Кулак на конюшне, кулачка свинарка». Так называемые, разоблачительные статьи писались как от имени редакции, так якобы от лица бдительных колхозников.

В газете «Сталинец» был создан «сигнальный пост», принимавший и публиковавший материалы, по чистки рядов партии и среды колхозников от чуждых элементов. Публикации подводили к главной идее – «только большевистская самокритика может разоблачить агентов классового врага внутри партии». В статьях указывалось, что такой путь ведет к укреплению партийной дисциплины, партийных рядов, мобилизует все силы «для успешной борьбы за полную победу социализма в нашей стране и во всем мире». Данной цели сопротивляются «чуждые элементы обманным путем попавшие в партию, а так же двурушники, нарушители партийной и государственной дисциплины, буржуазные перерожденцы, оппортунисты и морально разложившиеся». Далее статья подобного содержания заканчивалась словами «разоблачить и вышибить из партии этих кулацких агентов» [6, с. 1].

Рядовых колхозников в рамках борьбы с чуждым элементом обвиняли не только в том, что «по происхождению не наш человек», но и в проявлении религиозных взглядов. Так, например, в статье «Позор таким колхозникам», назывались фамилии тех, кто не вышел на работу в день «кулацкой пасхи» [7, с. 1].

В русле актуальных веяний 20-х – 30-х гг. изменение статуса женщины в советском обществе, политотделы по средством печати привлекали внимание к этой теме. Акцент делался на то, что только после революции октября 1917 г. положение женщины улучшилось. Из домохозяйки она превратилась в активного члена общества, чья роль год от года только возрастает. В колхозах женщин выдвигают на руководящие должности, призывают «доверять ответственные участки работы». Пропаганда идеи о равенстве женщин в колхозе содержалась в подобных статьях: «Женщина в колхозе – большая сила», «Колхоз меня вывел на светлую дорогу», «Работаю не хуже мужчины» и т. п. Помимо возрастание роли женщины как трудовой единицы, перед ней ставилась задача активного общественного борца за повышение культурного уровня колхозников.

На страницах газеты помещались постоянно действующие рубрики, освещавшие главные события как внутри страны, так и за рубежом. Обзоры событий других стран были краткими и подводили читателя к выводу о преиму-

ществе социалистического строя над капиталистическим. Печатались статьи приуроченные к каким-либо памятным датам, где уже в привычной пропагандистской манере прославлялись достижения коммунистической партии и советского народа.

Для осуществления обратной связи с читателем и реализации принципа, что печатный орган является эффективным оружием борьбы, в газете «Сталинец» была открыта рубрика «По следам газетных ударов». В ней сообщалось о тех мерах (увольнениях, взысканиях, привлечениях к суду), которые были приняты в отношении антигероев, попавших ранее на страницы газеты.

Практически в каждом номере была заметка, в которой колхозники говорили о преимуществах жизни в колхозе, по сравнению с единоличным хозяйством.

Газеты, созданные при политотделах МТС, сыграли огромную роль в работе этих чрезвычайных органов, выполняя целый ряд функций. Во-первых, оказывали информационную поддержку политотделу МТС при реализации политического руководства подведомственными колхозами. Во-вторых, руководящее звено колхозов получало практические рекомендации по улучшению организации сельхоз деятельности. В-третьих, сотрудники политотделов, в сложных условиях становления колхозного строя, со страниц своих газет вели воспитательную работу. В-четвертых, редакция обеспечивала местные партийные ячейки готовым материалом просветительско-пропагандистского содержания.

На примере работы газеты «Сталинец», можно сказать, что подобного рода печатные издания, были гармонично встроены в деятельность политотделов МТС, оперативно реагируя на все изменения, исходящие как сверху – от партийных органов, так и снизу – от текущего положения дел в колхозах.

Список литературы

1. Роговин В.З. Власть и оппозиции. – М.: Товарищество «Журнал «Театр», 1993. – Т. 2. – 400 с.
2. Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. – М., 1951. – 349 с.
3. Сталинец. – 1933. – №6.
4. Сталинец. – 1933. – №13.
5. Сталинец. – 1933. – №10.
6. Сталинец. – 1933. – №44.
7. Сталинец. – 1934. – №6.

References

1. Rogovin, V. Z. (1993). Vlast' i oppozitsii. M.: Tovarishchestvo "Zhurnal "Teatr". T. 2. 400 p.
2. Stalin, I. V. (1951). Sochineniia. T. 13. M. 349 p.
3. (1993) Stalinets. – №6.
4. (1993) Stalinets. – №13.
5. (1993) Stalinets. – №10.
6. (1993) Stalinets. – №10.
7. (1993) Stalinets. – №6.

Инновации и преемственность в сарматских комплексах Есауловского Аксая

УДК 930.26 (470.45)
DOI 10.21661/r-467292

Innovation and continuity in Sarmatian complexes in Esaulovsky Aksai

Коробкова Елена Алексеевна –
аспирант, старший преподаватель кафедры археологии, зарубежной истории и туризма ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», Россия, Волгоград.

Аннотация

Статья посвящена проблемам распространения ранне-, средне- и позднесарматских культур на территории бассейна р. Есауловский Аксай. В начале каждого из трех периодов в регионе наблюдается постепенное проникновение иных культурных традиций, которые постепенно вытесняют предшествующие. Такие периоды отличает наличие погребальных комплексов синкретического характера, в которых одновременно сосуществуют новые и старые черты.

Ключевые слова:
археологический памятник, курганный могильник, раннесарматская культура, среднесарматская культура, позднесарматская культура, Есауловский Аксай.

Keywords:
archaeological monument, burial mound, Early Sarmatian Culture, Middle Sarmatian Culture, Late Sarmatian Culture, Esaulovsky Aksai.

Annotation

The article is devoted to problems of distribution of early, middle and late Sarmatian cultures in the basin of the river Esaulovsky Aksay. At the beginning of each of the three periods in the region gradual penetration of other cultural traditions is observed, which gradually displace the previous ones. Such periods are distinguished by the presence of funeral complexes of a syncretic character, in which simultaneously new and old features coexist.

Korobkova Elena Alekseevna –
graduate student of history, senior lecturer of the Department of Archeology, Foreign History and Tourism at Volgograd State University, Russia, Volgograd.

За более чем столетнее изучение сарматской археологической культуры, исследователями были определены особенности погребального обряда и вещевых комплексов, выделены этапы и хронологические рамки каждого периода. Долгое время изучение сарматов проходило по основным макрорайонам Приуралье, Нижнее Поволжье, Нижний Дон и т. д. Разработка проблем хронологии и истории сарматских племен на основе археологических памятников таких макрорайонов позволило разработать типологические ряды, уточнить хронологические позиции, а массовость материала дала возможность сделать выборки таких исследований более репрезентативными. Но в тоже время, особенности присущие отдельным локальным регионам, входящим в эти районы, нивелировались, и тем самым проявлялась усредненность черт каждого из периодов. И чем более отличными были друг от друга археологические комплексы таких регионов, тем более размытыми оказывались основные культурные признаки, особенно в части погребального обряда. В связи с чем все чаще стали появляться работы, концентрирующиеся на изучении процессов происходящих в отдельных районах.

К таким районам относится и бассейн реки Есауловский Аксай, небольшой степной речки берущей начало на западном склоне Ергенинской возвышенности и впадающей в Цимлянское водохранилище. К настоящему времени здесь раскопано почти тысяча погребальных комплексов относящихся к различным эпохам от энеолита до золотоордынского времени. Подавляющее большинство этих памятников относится к раннему железному веку.

В памятниках IV в. до н.э. в Нижнем Поволжье начинают фиксировать новые признаки погребального обряда не характерные для савроматской культуры. Южная ориентировка, дромосные могилы и ямы с заплечиками, диагональное положение погребенных и некоторые типы инвентаря, все эти новые черты привносятся в Нижнее Поволжье, а затем и на Нижний Дон, кочевыми группами из Южного Приуралья [5, с. 172–177; 2, с. 38–39]. Происходят изменения и в бассейне р. Есауловский Аксай. Погребений IV в. до н.э. в этом районе всего 13 и большинство из них содержат в себе признаки характерные для савроматской культуры: захоронение под индивидуальными насыпями, прямоугольные или овальные ямы, ориентировка погребенных на запад, реже на восток, разрубленная туша мелкого или крупного рогатого скота, отдельные типы вещей. Все эти погребения, содержащие исключительно савроматские черты, располагаются в двух крупных могильниках, Аксёновский I и Аксёновский II, большинство погребений которых датируются в рамках VI–V вв. до н.э. [6, с. 127–152]. В этих же могильниках, а так же в расположенном выше по течению Жутовском курганном могильнике, исследованы синкретические погребения, датированные в рамках IV в. до н.э., несущие в себе как савроматские так и раннесарматские черты: ортоганальная ориентировка, диагональное положение погребенных с западной ориентировкой и т.д [1, с. 28–29]. Единственный, на сегодняшний момент, комплекс который содержит раннесарматские черты – это погребение 5 кургана 12 могильника Перегрузное [4, с. 21–22].

Таким образом, для IV в. до н.э. можно говорить лишь о постепенном проникновении раннесарматских культурных элементов в савроматскую среду. Коренные изменения, вероятно, происходят в бассейне р. Есауловский Аксай в III в. до н.э. К сожалению, в связи с отсутствием четких хроноиндикаторов III в. до н.э. в погребениях изучаемого региона не возможно точно определить процессы происходившие здесь в этот время.

В погребениях датируемых II–I вв. до н.э. фиксируется сложившийся обряд раннесарматской культуры характерный и для других регионов: южная ориентировка, курганы-кладбища с расположенными под их насыпями могильными ямами по кругу или в ряд, узкие прямоугольные ямы и подбойные могилы, характерные наборы инвентаря. Памятники раннесарматской культуры встречаются в курганных могильниках на всей территории бассейна р. Есауловский Аксай.

В I в. н.э. ситуация в регионе меняется, что было обусловлено новой волной кочевников. В это время в погребальных комплексах появляются новые черты не свойственные для раннесарматской культуры: захоронения под индивидуальными насыпями, диагональные погребения в широких прямоугольных и подквадратных ямах, некоторые типы вещей. Распространение этих новаций происходит не равномерно. Так же как и в предыдущий период погребения I – первой половины II в. н.э. занимает всю территорию бассейна р. Есауловский Аксай, но основное их число сосредоточено в среднем течении. При этом наблюдается специфическая особенность в распространении памятников с характерными чертами среднесарматской культуры. Так погребения в курганных могильниках Жутово, Терновский, Чиковский имеют вещевой комплекс и яркие черты среднесарматской погребальной традиции, тогда как в могильниках Перегрузное, Аксай I и Аксай II наблюдается неразрывная связь и сохранение традиций предыдущего периода [3, с. 80–82].

В середине II в. н.э. начинает свое распространение позднесарматская культура, в этот период в регионе появляются погребения с северной ориентировкой в узких прямоугольных ямах или подбойных могилах, у погребенных фиксируется обычай деформации черепа, меняется состав жертвенной пищи и вещевой комплекс. При этом в погребальных памятниках Есауловского Аксая второй половины II–IV вв. можно выделить две хронологические группы. В первой из них, датируемой второй половиной II – первой половиной III в. н.э., не смотря на распространение позднесарматских черт продолжают преобладать среднесарматские погребальные традиции: широкие прямоугольные или подквадратные ямы, южная ориентировка, диагональное положение погребенного. Эта ситуация наиболее характерна для погребений второй половины II в. н.э. Начиная с III в. н.э. процент среднесарматских черт в погребениях уменьшается, но не исчезает совсем. Памятники этого периода располагаются в тех же могильниках что и в предыдущее время.

Для второго этапа, вторая половина III–IV вв., наблюдаются серьезные изменения. Погребальный обряд и вещевой комплекс унифицируется, полностью исчезают признаки среднесарматской культуры. Погребения этого периода фиксируются в основном в верховьях р. Есауловский Аксай.

Таким образом, при распространении в регионе ранне-, средне- и позднесарматских культур в каждом из периодов наблюдается постепенное проникновение иных культурных традиций на территорию региона, и периоды сосуществования новых и старых черт в погребальных комплексах каждой из культур.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области, проект «Сарматы Есауловского Аксая: инновации и преемственность погребальных традиций» №16–11–34008.

Список литературы

1. Белицкий А.В. Погребения IV в. до н.э. в бассейне р. Есауловский Аксай // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – №12. – Ч. 4. – С. 25–29.
2. Клепиков В.М. Формирование раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Региональные особенности раннесарматской культуры. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2007. – С. 37–58.
3. Коробкова Е.А. Особенности погребального обряда среднесарматских памятников Есауловского Аксая // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2015. – №5. – С. 79–85.
4. Курганный могильник Перегрузное I: результаты междисциплинарных исследований / М.А. Балабанова, Е.В. Перерва [и др.]. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. – 360 с.
5. Скрипкин А.С. Проблемы этнической истории Нижнего Дона в IV в. до н.э. и некоторые вопросы ранней истории сарматов // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 10. – Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2009. – С. 171–192.
6. Шилов В.П. Курганы скифской эпохи из могильников Аксеновский-I-II / В.П. Шилов, М.А. Очир-Горяева // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. – М.: б/и, 1997. – С. 127–152.

References

1. Belitskii, A. V. (2017). Pogrebeniia IV v. do n.e. v basseine r. Esaulovskii Aksai. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki, pp. 25–29. Tambov: Gramota
2. Klepikov, V. M. (2007). Formirovanie rannesarmatskoi kul'tury v Nizhnem Povolzh'e. Regional'nye osobennosti rannesarmatskoi kul'tury, pp. 37–58. Volgograd: Izd-vo Volgogr. gos. un-ta
3. Korobkova, E. A. (2015). Osobennosti pogrebal'nogo obriada srednesarmatskikh pamiatnikov Esaulovskogo Aksaia. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4. Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia, pp. 79–85.
4. Balabanova, M. A., & Pererva, E. V. (2014). Kurgannyi mogil'nik Peregruznoe I: rezul'taty mezhdistsiplinarnykh issledovanii. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS
5. Skripkin, A. S. (2009). Problemy etnicheskoi istorii Nizhnego Dona v IV v. do n.e. i nekotorye voprosy rannei istorii sarmatov. Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik. Vyp. 10, pp. 171–192. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta
6. Shilov, V. P. (1997). Kurgany skifskoi epokhi iz mogil'nikov Aksenovskii-I-II. Pamiatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na iuge Vostochnoi Evropy, pp. 127–152. M.: b/i

Реконструкция психологического портрета древних греков классического периода

УДК 159.922.4 : 930.85
DOI 10.21661/r-467360

Reconstruction of the ancient Greeks' psychological portrait in the classic period

Кутейников Алексей Николаевич – канд. психол. наук, доцент факультета социальных технологий Северо-Западного института управления (филиала) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Россия, Санкт-Петербург.

Аннотация

В статье обсуждается зависимость психологического склада людей от условий жизни в соответствующую эпоху. Рассматривается доминирование конкретных черт характера и ценностных ориентаций у древних греков классического периода. Описывается мировоззрение и ментальность греков в указанный период. Представление о коллективной ответственности. Парис как собирательный образ древнего грека. Трудолюбие. Культ красоты обнаженного тела. Постепенный отказ от жертвоприношений. Терпимость к гомосексуализму. Гуманное отношение к рабам. Интеллектуальная соревновательность.

Ключевые слова:
древние греки, психологический портрет, ментальность, возможность выбора, воинственность, жертвоприношения, инфантицид, чувственность, свободомыслие.

Keywords:
the ancient Greeks, psychological portrait, mentality, possibility of choice, belligerence, sacrificing, infanticide, sensuality, freethinking.

Annotation

The article discusses the dependence of the psychological structure of the living on conditions of people in the appropriate age; considers the dominance of specific character traits and values of the ancient Greeks of the classical period; describes the worldview and mentality of the Greeks in the specified period. The concept of collective responsibility. Paris as a collective image of the ancient Greeks. Respect for labour. The cult of beauty of the naked body. Gradual disclaimer out the offerings. Tolerance of homosexuality. The humane attitude to slaves. Intelligent competitiveness.

Kuteynikov Alexey Nikolaevich – candidate of psychological sciences, associate professor of Social Technologies Faculty at the North-West Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Saint-Petersburg.

В исторической психологии очень трудно провести эксперимент. Например, как выглядел бы идеальный эксперимент по составлению психологического портрета древних греков? Для этого нам надо сесть в машину времени, слетать в Древнюю Грецию, найти достаточно репрезентативную выборку древних греков, войти с ними контакт, предложить им пройти психологическое тестирование, например, при помощи часто применяющегося в подобных исследованиях теста 16 PF (разумеется, предварительно переведя текст опросника на древнегреческий язык). После этого остается провести обработку результатов тестирования и составить усредненный психологический профиль испытуемых. Разумеется, это само по себе является нереальной задачей. Причем, начиная с самого первого ее этапа.

Тем не менее, специалистами по исторической психологии подобные задачи, связанные с описанием личности людей определенной эпохи, все же решаются. Правда, для этого им приходится работать не с реальными людьми, а с продуктами их деятельности. Например, анализируя произведения литературы и культуры людей указанных эпох, в частности, их мифологию. Однако, это еще не все. Здесь надо определиться с временными границами нужной исследователю эпохи. Например, древние греки – это понятие неоднородное. Были греки так называемого архаического периода; были более поздние дорийские греки, представлявшие период, называемый в античной истории классическим. Были также говорившие по-гречески македонцы, которые являлись в этническом смысле не совсем греками (судя по всему, это был смешанный этнос греков и предков албанцев). Отдельно следует упомянуть о жителях эллинистических государств, образовавшихся после распада империи Александра Македонского. Жители указанных стран были грекоязычными (по крайней мере, это можно сказать об их элите), носили греческие имена, ментально они были привержены греческой культуре и религии, но этнически это были в значительной степени ассимилированные жители завоеванных Александром варварских государств.

Итак, на основе анализа литературных источников можно дать достаточно развернутый психологический портрет представителей определенной исторической эпохи. Например, А.Д. Барской посредством анализа «Илиады» и «Одиссеи» составлено описание психического склада древнего грека гомеровской эпохи. Указанная автор выделяет в качестве ведущих следующие свойства психики:

1. Преобладание наглядно-образного мышления над абстрактно-логическим.

2. Недостаточная развитость самосознания по сравнению с таковым у современного человека (но Барская отмечает, что в их самосознании уже присутствует внутренний диалог).

3. Недостаточность волевой регуляции поведения.

4. В гомеровских текстах значительная часть мыслей, желаний, чувств, действий или внешних событий, которые современный человек воспринял бы как случайные, приписываются божественному вмешательству.

5. Но, тем не менее, автор уже видит у гомеровских греков способность оценивать ближайшие последствия своих действий (то, что в психологии называется сформированностью целеполагания).

Когда мы устремим свой взор на греков классического периода, то количество письменных источников увеличивается, и мы можем уже составить более развернутый психологический портрет рассматриваемого коллективного объекта исследования. При этом следует считать, что ментальность греков классического периода – это дальнейшее развитие ментальности гомеровских греков, что между ними есть прямая преемственность. Таким образом, описанные Барской особенности психики должны присутствовать и у более поздних представителей Эллады.

Итак, какие же особенности мотивационной и эмоциональной сфер, какие ценностные ориентации, да и вообще какие особенности психического склада были характерны для греков анализируемого нами периода?

Как греки объясняли тот факт, что в мире чаще всего отсутствует справедливость? Во-первых, они верили, что потомок отвечает за грехи предков. Именно такую мысль доносит Эсхил в своей трилогии «Орестея». Содержание этой трилогии – судьба рода Атридов, героев Троянской войны. Можно конечно предположить, что это точка зрения только Эсхила, но если бы греки не были с ним согласны, то трагедии Эсхила не пользовались бы такой популярностью! Кстати, эта концепция изначально защищена от логических противоречий. Если страдает потомок, то грекам все становится понятно – это предок преступил какие-то нравственные законы. А если человек умирает бездетным – то никакого противоречия тоже нет, это тоже такой вид наказания за что-то со стороны богов. Ведь у каждого грека должны быть какие-то грехи, надо только повнимательнее проанализировать его жизнь.

Во-вторых, возможен и такой вариант, что за грехи отдельных представителей социума страдает весь их полис. Например, царь Эдип убил своего отца Лая. В наказание за это преступление боги послали на Фивы моровую язву и через оракула объявили, что язва не прекратится, пока из города не будет изгнан отцеубийца. Но вся проблема была в том, что фиванцы не знали, кто является отцеубийцей. Не знал этого и их царь Эдип: он лишь позднее выяснил, что когда-то убитый им в случайной ссоре человек был его биологическим отцом. И лишь после того, как Эдип отказывается от царского статуса (по своей собственной воле!) и уходит нищенствовать, эпидемия в городе прекращается. Именно так описывается эта трагическая история у и Гомера, и у Гесиода, и у Эсхила.

Для древних греков характерно эмоциональное восприятие мира и чувственность. Яркой иллюстрацией к этому здесь может служить описанный рядом древних авторов «Суд Париса». Итак, к Парису подошли три богини: Гера, Афина и Афродита – и попросили его выступить арбитром в споре: кто из них прекраснее. Вслед за этим они начали пытаться его подкупить, каждая в свою пользу. Гера обещала ему господство над Азией, Афина – победы и военную славу, а Афродита – обладание прекраснейшей из женщин. Что выбрал Парис? То, что он считал наиболее ценным: он принял предложение обладать прекрасной женщиной. Ей стала нимфа Энона.

Парис был олицетворением красоты и изнеженности, но в то же время он был способным на осуществление самых рискованных замыслов. Именно Парис, как это описано в продолжении мифа украл Елену Прекрасную (разумеется, бросив Энону), чем и спровоцировал начало Троянской войны. Он принял также и участие в сражениях этой войны, во время одного из них он погиб. Разумеется, образ Париса – это собирательный образ древнего грека: изнеженного и эмоционального, но воинственного, рискованного, азартного и даже в некоторой степени адреналинозависимого. И все три мотива были актуальны для греческих мужчин: и желание овладеть Азией (именно туда направлялся один из потоков греческой колонизации), и победа над врагами (стремление ставшее особенно актуальным после постоянных вторжений персов), и желание иметь рядом с собой прекрасную женщину.

О культе воинственности греков говорит и следующее предание. На одном из поэтических состязаний встретились Гомер и Гесиод. Оба претендовали на право именоваться лучшим поэтом, и они должны были продекламировать свои лучшие оды. Судья присудил победу Гесиоду, так как последний призывал к миру и земледельческому труду. А Гомер описывал более ужасное занятие – войну. Но все присутствующие возмутились, и, не смотря на официальную победу Гесиода, вслед за этим толпа провозгласила Гомера величайшим поэтом.

В мифе о Парисе мы видим еще одно явление, судя по всему впервые появившееся только в Древней Греции – возможность делать выбор. Это было очень важно для греков. Для сравнения можно рассмотреть такую ситуацию: допустим, в древнем Шумере царь какого-то города издает указ: всех мобилизовать на строительство некого нового канала. И назавтра все горожане должны вне зависимости от своих способностей, состояния здоровья, недоделанной работы бросить все свои дела и идти рыть канал. А в Древней Греции подобная ситуация, пожалуй, просто и не могла бы возникнуть. Там человек (по крайней мере, свободный человек) мог в большей мере распоряжаться собственной судьбой.

Для греков была характерна такая черта как трудолюбие. К сожалению, принято воспринимать всех древних греков как сибаритов. Но есть все основания полагать, что этот образ греков не соответствует действительности. Ф.Ф. Зелинский возмущенно заявляет по этому поводу: «Кем-то когда-то было пущено в оборот положение, будто древние греки пренебрежительно и презрительно относились к физическому труду; и с тех пор эта нелепость безвозбранно гуляет по страницам руководств и изложений, черпающих свои материалы из вторых и десятых рук». Зелинский приводит примеры из греческой поэзии и мифологии, свидетельствующие, что греки почитали труд и уважали тех, кто может создать что-либо своим собственными руками. Например, автор ссылается на упомянутого выше Гесиода, создавшего в поэме «Труды и дни» настоящий

гимн труду: «Труд никакой не позорен, позорно одно лишь безделье …».

Кстати, современные археологические данные не подтверждают мнение о том, что жители Сибароса (города, в котором согласно легенде жили сибариты) были богаче других греков, или что они отвергали физический труд.

Следующая черта древних греков – культ красоты обнаженного тела. Для обозначения идеала мужского совершенства у греков существовала формула – «прекрасен телом и душой». И действительно, у них господствовал культ красоты обнаженного мускулистого спортивного мужского тела. Ученики в гимнасии должны были заниматься спортом и изучать науки обнаженными (разумеется, посещать гимнасии могли только юноши). В обнаженном виде выступали греки и на состязаниях в Олимпийских играх. Кстати, все статуи того периода демонстрируют прежде всего мускулистые и красивые тела людей: Лаокоон, Гермес Праксителя, Аполлон Бельведерский.

Для подчеркивания значимости этого стиля поведения, можно сравнить представления древних греков и древних евреев. У последних был совершенно противоположный императив. Иудей не должен был обнажать свое тело! В легенде о Ное, обнажившим во сне свое тело, и его сыне Хаме, посмеявшимся над отцом, осуждается не только поступок Хама, но и запрещается сама возможность обнажения тела.

Греки положительно относились не только к обнажению мужского тела, они приемлемо относились и к обнаженнию женского тела. Множество древнегреческих статуй подчеркивают именно не эротизм, а красоту обнаженного женского тела: Венера Каллипига, Венера Милосская, Афродита Книдская, Хариты. И опять же отношение греков выражается в мифе. Сюжет про Гермеса, укравшего у купающихся собственных матери и сестер одежду, трактует его поступок не как предосудительное поведение, а как шалость, как мелкое хулиганство, над которым стоит посмеяться и лишь развести руками.

Для мироощущения древних греков очень большое значение имела возможность соревновательности в спорте. Олимпийские игры – это величайшее изобретение древних греков. Именно в них, имевших изначально религиозный смысл, нашли свое максимальное выражение культ героев и культ здорового тела. Ни одна другая цивилизация древности даже не пыталась создать что-нибудь подобное. И только гладиаторские бои римлян могут считаться жалким подобием этих великих соревнований.

Дополнительно следует отметить, что место проведения Олимпийских игр – это гора, являющаяся с точки зрения греков обиталищем богов. Можно ли представить себе, чтобы древние евреи проводили какие-то подобные массовые мероприятия, допустим, на Синайской горе? Отвечая на этот вопрос, можно предположить, что с точки зрения греков боги были более открытыми для диалога с людьми, хотя и через посредников-оракулов. А еврейский Бог все же был менее доступен для своих последователей.

Отсутствие массовых человеческих жертвоприношений – еще одна характерная черта древней Греции (правда, процедура казни преступника тоже преподносилась как жертвопреношение). Есть основания предполагать, что это было одним из факторов развития личности вследствие устранения страха перед завтрашним днем и причиной развития свободомыслия у греков. Ведь кого жрецы скорее принесут в жертву? Того, кто мыслит не так как все остальные, кто имеет на все свой собственный взгляд, кто, как это сказано в одном из романов братьев Стругацких, «захотел странного». Этим эллины выгодно отличались от египтян и шумерцев, устраивавших (до III тысячелетия до н.э.) вместе с умершим правителем массовые погребения его слуг. Лишь на Крите современными археологами были обнаружены следы группового принесения людей в жертву. Но и этот факт не всегда правильно интерпретируется. Известно, что на Крите в минойскую эпоху жило как раз население негреческого происхождения, и только после победы греков над ними и ассимиляции минойцев групповые жертвоприношения постепенно прекратились и там.

Одиночные жертвоприношения, к сожалению, просуществовали у греков еще некоторое время. Когда они окончательно исчезли, точную дату назвать трудно. Но можно сослаться на мнение О. Колобовой и В. Иванова отмечавших, что «… человеческая кровь прекратила литься на алтари Эллады лишь к четвертому веку до н.э., а быть может, и позже».

Широко известны мифы греков, которые описывают отрицательное отношение к человеческим жертвам. Например, это миф о Персее, спасшем предназначенную к жертвоприношению Андромеду. Учитывая, что Персей – грек, а Андромеда – дочь эфиопского царя, можно сделать вывод, что, во-первых, некоторые греки уже в архаический период выступали против человеческих жертв (и тем самым они не боялись выступать против воли богов!), а во-вторых, что среди варваров этот обычай был более распространен.

Неприятие эллинами человеческих жертвоприношений отражено и в мифе о Ифигении. Содержание мифа незначительно различается в разных источниках, однако во всех вариантах просматривается следующее общее содержание. Оракул возвестил Агамемнону, отцу Ифигении, что необходимо было принести дочь в жертву, чтобы боги помогли ахейцам одержать победу над троянцами. Агамемнон заманил ее в лагерь, солгав, что оракул будто бы повелел ее отдать замуж за Ахилла, а сам распорядился начать подготовку к жертвоприношению. Но тут возмутился Ахилл, он не хотел быть косвенным виновником смерти девушки. В результате вместо Ифигении в жертву была принесена коза, а сама девушка была увезена Ахиллом в Тавриду, где она стала царицей тавров. Но после этого она сама была вынуждена участвовать в обрядах человеческих жертвоприношений, ибо у тавров этот обычай имел более широкое распространение, нежели у греков.

В данном мифе греки зашифровали три принципа:

1. Запрет на принесение человеческих жертв.

2. Принесение человеческих жертв – это удел варваров.

3. Вместо людей можно приносить в жертву животных.

Подобный же мотив можно уловить в библейской истории с запретом Аврааму приносить в жертву своего сына Исаака (вместо него жертвой стало как и у греков домашнее животное, баран). Тот же сюжет мы видим в

Коране, где Ибрагим не стал убивать своего сына, а вместо него принес другую жертву (в тексте Корана не сказано какую, но согласно устной традиции ислама, это был тоже баран). Судя по всему, именно отказ от человеческих жертвоприношений позволил указанным трем цивилизациям каждой в свое время совершить рывок в культурном развитии.

Однако оставался еще один вариант жертовоприношения – принесение себя самого в жертву богам, что можно воспринимать как своеобразный суррогат альтруизма. В современном мире это вопринимается как вариант аддиктивного поведения и пойти на такой шаг люди способны чаще всего либо в состоянии депрессии, либо при неадекватной реакции на стресс, либо в ситуации безвыходности. Прекращение альтруистического принесения себя в жертву греками тесно связано с осознанием ими ценности любой человеческой жизни. И это тоже явилось ступенькой на пути дальнейшего духовного развития греков.

Следующей чертой древних греков можно назвать терпимость к гомосексуализму. Чем можно объяснить это социальное явление? Одной причины выделить невозможно, это было, судя по всему, полифакторное явление.

Одной из предпосылок было то, что мужчины в Древней Греции поздно вступали в брак. Для того, чтобы быть успешным женихом, нужно обладать собственностью и пользоваться уважением сограждан. А это было реально только в уже достаточно зрелом возрасте. Кстати, если следовать Пифагору, то молодым человеком следовало считать людей в возрасте от 20 до 40 лет, а человек в расцвете сил – это диапазон от 40 до 60 лет.

Еще одна причина – нехватка продуктов питания и перенаселенность. По свидетельству Аристотеля, один критский законодатель, чтобы его соотечественники не рожали много детей, ввел сожительство мужчин с мужчинами. Таким образом, гомосексуализм выполнял функцию средства ограничения рождаемости и борьбы с перенаселением в условиях ограниченности ресурсов.

Косвенным подтверждением того тезиса, что греки стремились иметь меньше детей, можно назвать распространенность детоубийств новорожденных детей собственными родителями. По мнению Ллойда де Моза, инфантицид был достаточно широко распространен среди древних греков. Проблема детоубийства отражена и в греческой мифологии. Например, Эдип еще в младенчестве по приказу родного отца должен был быть отнесен в лес и брошен на съедение волкам.

Известен и обычай в Спарте отказывать слабому или больному новорожденному ребенку в праве на жизнь. У спартанцев подобное решение принимал уже не отец ребенка, а совет старейшин. Конечно, это избавляло отца от чувства вины, а у старейшин способствовало распылению индивидуальной ответственности, но это не способствовало прогрессу общества. Вполне возможно, что если бы спартанцы узнали, что через две с небольшим тысячи лет ценность людей будет оцениваться не только по их физической силе и здоровью, но и по уровню их умственных способностей, они бы удивились.

В подтверждение тезиса о нежелательности детей и распространенности инфантицида можно вспомнить также утверждение Полибия (жившего во II веке до н.э.): «Эллада обезлюдела, потому что никто не хочет жениться, а если женятся, то избавляются от детей».

Возвращаясь к проблеме гомосексуализма в Древней Греции, надо отметить, что не везде отношение к нему было терпимым. Официальная институциализация этого явления существовала только в Спарте. В Афинах же, например, существовал закон, лишавший права выступать в суде, быть избранным в архонты, быть жрецом или должностным лицом тех людей, кто «отдавал своё тело в разврат» (то есть, речь шла о «поражении в правах» пассивных гомосексуалистов). А сексуальное посягательство на свободнорожденного мальчика вообще каралось смертью. Тем не менее, не стоит по прошествии тысячелетий пытаться дать нравственную оценку этому явлению. Надо просто признать, что оно было. И если бы у греков не было такого «опыта», то может, им и не удалось бы создать свою оригинальную чувственную и полную эстетизма культуру.

Можно ли чем-либо еще кроме нехватки продовольственных ресурсов объяснить причину распространенности инвертированного поведения у греков?

Можно в качестве возможного объяснения привести точку зрения З. Фрейда, который предполагал, что причина подобного поведения заключается в том, что у молодых греков учителями и воспитателями были исключительно мужчины среднего возраста. Хотя, здесь не понятна сама причинная связь: почему отношения зрелого педагога и юноши должны были обязательно приводить к гомосексуальным связям.

Поэтому автор настоящей статьи предлагает придерживаться иной точки зрения. Известно, что у греков широкое распространение получили фармакологические средства растительного происхождения, относящиеся к алкалоидному ряду. При этом часть из них являлись легкими наркотиками. Данной теме посвящена монография американского специалиста Д. Хиллмана.

А как подобные наркотики действуют на сексуальное поведение? Условно можно выделить три стадии подобного влияния (описанные ниже закономерности касаются только растительных наркотиков). На первой стадии происходит раскрепощение, и у принимающих наркотик увеличивается частота половых актов. На второй – может наблюдаться смещение полового поведения на нетрадиционные объекты, можно сказать, что для человека «сексуальное экспериментирование» становится навязчивой потребностью. Именно в этом автор статьи и предлагает видеть причины распространенности нетрадиционных сексуальных отношений у греков. На третьей стадии употребление наркотиков может ухудшать качество спермы и вести к эректильной дисфункции.

Впоследствии греки постепенно отказывались от инвертированного поведения. Скорее всего, здесь сыграло роль как исчезновение опасности перенаселенности и угрозы постоянной нехватки продовольствия (с середины VIII века днэ началось масштабное расселение древних греков по берегам Средиземноморья), так и общий духовный прогресс. Судя по жизнеописаниям римских императоров, то в имперскую эпоху к гомосексуализму больше тяготели уже римляне. Об этом же говорит и Иоанн Богослов в своем «Откровении …».

Рабовладение, насколько мы можем предположить, не оставило глубокой нравственной деформации на гуманном менталитете греков классической эпохи. С целью их частичной «реабилитации», следует отметить следующие два момента. Во-первых, в ту эпоху рабовладение было единственным способом развития производительных сил, т.е. у греков просто не было другого выбора. И любой, даже и более развитый в культурном отношении этнос был бы обречен создать рабовладельческий строй. Во-вторых, отношение к рабам у греков было более гуманным, чем это гласят устоявшиеся стереотипы. Ведь раб представлял собой говорящий инструмент, и портить свои инструменты – это расточительно и глупо. Очень часто отношение у греков к домашнему рабу было примерно такое же как к очень полезному в хозяйстве домашнему животному – собаке. О положении рабов в Афинах говорят следующие факты (хотя, в разных городах это отношение было различным).

1. Некоторые из рабов могли скопить себе достаточно крупные состояния.

2. В Афинах никогда, насколько нам известно, не происходило восстаний рабов.

3. Ксенофонт пишет о необычайной «дерзости» афинских рабов: они не уступали дороги гражданам, и их нельзя было бить из боязни ударить вместо раба гражданина, так как последний в Афинах внешне не отличался от первого.

К сожалению, после походов Александра на Восток и завоевания деспотичных и отсталых в культурном отношении государств, отношение греков к рабам изменилось: у рабовладельцев часто возникало чувство безнаказанности и игнорирование моральных норм.

Следующая характерная черта древних греков – это стремление к интеллектуальной соревновательности. У эллинов были развиты традиции публичного философского спора. Причем, когда шел научный диспут, чинопочитание можно было и не соблюдать. Ученик мог спорить с учителем, и, если он спорил аргументировано, то он удостаивался похвалы. Известен следующий случай: еще молодой Платон во время своей первой встречи с великим Сократом принялся с ним спорить. После окончания диспута Сократ решил взять Платона к себе в ученики. А с самим Платоном через много лет постоянно спорил уже его собственный ученик – Аристотель, провозгласивший ставший символическим лозунг: «Платон мне друг, но истина дороже».

Возможны ли были подобные традиции интеллектуального спора, допустим, в Древнем Египте? Разумеется, нет. Знания очень ценились египетскими жрецами, но известно, что большая часть фараонов была под влиянием жреческой касты и их культов. А жрецы, как умелые кукловоды, манипулируя мнением как народа, так и фараона, постоянно плели свои интриги. Сама ситуация публичного столкновения мнений была бы просто опасна для веры в сакральность жрецов.

Невозможно представить традиции публичного интеллектуального спора и в древнем Китае. Там просто не принято было отличаться в чем-то от других. Кстати, эта черта характера – стремление не выделяться на фоне окружающих – в значительной степени сохранилась у китайцев и по сей день. Были, конечно, и в Китае свои великие философы. Но они обсуждали чаще не научные проблемы, как это было принято у древних греков, а морально-этические.

Еще одна черта древних греков – это значимость досуга. Досуг воспринимался как такая же возвышенная сфера жизнедеятельности, как война или политика. Было модно посещать театр, вести философские диспуты, принимать участие в пирах. А на пиру было принято наслаждаться музыкой, пением и вести интеллектуальные беседы. Именно благодаря такому типу времяпровождения греческая элита правильно распорядилась свободным временем и смогла заложить предпосылки современной европейской культуры и научной картины мира. И, можно предположить, если бы Греция не смогла передать свой интеллектуальный, нравственный и культурный багаж последующим цивилизациям, то на весь путь исторического прогресса человечеству понадобилось бы значительно больше времени.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в классическую эпоху для греков были характерны следующие личностные черты и паттерны мировоззрения:

1. Принятие принципа коллективной ответственности и недостаточно выраженная (по сравнению с современными людьми) индивидуальность.

2. Осознание возможности делать выбор, пусть и в определенных рамках, признавалось как само собой разумеющееся явление. Но вместе с тем это сочеталось с верой в фатальность событий и невозможностью противостоять воле богов.

3. Эмоциональное восприятие мира и чувственность, иногда доходившее до экзальтированности и эмоциональной неуравновешенности.

4. Воинственность, адреналинозависимость.

5. Трудолюбие.

6. Культ красоты обнаженного тела.

7. Культ олимпийских игр, и как следствие, азартность, соревновательность, с одной стороны, и мотивация к спорту и здоровому образу жизни (так, как его понимали сами греки), с другой стороны.

8. Вследствие постепенного отказа от человеческих жертвоприношений снижение страха перед завтрашним днем, осознание ценности собственной жизни, возрастание значимости альтруизма.

9. Толерантность к гомосексуализму.

10. Относительно гуманное отношение к рабам (по сравнению с периодами эллинизма и Римской империи).

11. Свободомыслие и выработка традиций интеллектуального спора (по сравнению с представителями других окружающих народов).

Список литературы

1. Барская А.Д. Психолого-историческая реконструкция особенностей психики гомеровского человека: Дис. … канд. психол. наук / А.Д. Барская. – 1998. – 207 с.
2. Воеводский Л.Ф. Каннибализм в греческих мифах. Опыт по истории развития нравственности / Л.Ф. Воеводский. – СПб, 2011.
3. ДеМоз Л. Психоистория. – Ростов/Д.: «Феникс», 2010.
4. Дюпуи Э. Проституция в древности. – М.: Терра, 2010.
5. Зелинский Ф.Ф. История античных религий: В 3 т. – СПб.: Алетейя, 2015.
6. Ивик О. История человеческих жертвоприношений. – М.: Ломоносов, 2010. – 64 с.
7. Кутейников А.Н. История психологии: конспект лекций / А.Н. Кутейников. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.
8. Hillman D.C.A., The chemical muse: drug use and the roots of Western civilization – New York, Pablishing St. Martin's Press, 2008.

References

1. Barskaja, A.D. Psycho-Historical Reconstruction of Peculiarities of the Psyche of the Homeric Man. Dissertation of candidate of psychological Sciences M, 1998.
2. Voyevodskiy L.F. Cannibalism in Greek Myths. Experience the History of the Development of Morality. St. Petersburg, 2011.
3. DeMause L. Psychohistory. Rostov-on-Don, Phoenix, 2010.
4. Dupuis, E. Prostitution in Antiquity. M, Terra, 2010.
5. Zielinski, T.F. History of Ancient Religions. Rostov/D, Phoenix, 2010.
6. Ivik O. the History of Human Sacrifice. M, publishing house of the «Lomonosov», 2010.
7. Kuteynikov A.N. History of psychology: lecture notes. St. Petersburg, publishing house of St. Petersburg state University, 2008.
8. Hillman D.C.A., The chemical muse: drug use and the roots of Western civilization – New York, Pablishing St. Martin's Press, 2008.

Культурные формы мышления как трансляционно-коммуникативная основа личности

УДК 9
DOI 10.21661/r-467267

Cultural forms of thinking as translation-communicative basis of the individual

Чекрыгина Татьяна Алексеевна – канд. психол. наук, старший научный сотрудник отдела научных исследований творческого наследия А.В. Калинина ФГБУК Ростовской области «Раздорский этнографический музей-заповедник», Россия, Ростовская област,. ст. Раздорская.
Иващенко Анна Петровна – ассистент кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Ростовский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, Ростов-на-Дону.

Аннотация

Используемый авторами исследования подход социальной психологии культурной динамики, сформированный в рамках культурно-исторической концепции, заключается в сравнительном анализе культурно-исторического процесса с целью выявления в нем основных характерологических черт, присущих определенной социокультурной общности, которые являются наиболее устойчивыми социокультурными образованиями (культурными формами) и выполняют трансляционно-коммуникативную функцию воздействия культуры на развитие личности и социальные взаимоотношения. Результатом исследования является утверждение того, что культурные формы выступают основными детерминантами социокультурной идентификации, внутренним механизмом которой являются культурные формы мышления

Ключевые слова:
культурно-историческая концепция, социокультурная идентификация, процесс сигнификации, культурные формы мышления.

Keywords:
the cultural-historical concept, socio-cultural identity, the process of signification, cultural forms of thinking.

Annotation

Social psychology approach to cultural dynamics used by the authors formed within the framework of the cultural and historical concept is a comparative analysis of cultural-historical process that helps to identify its main characteristic features of a particular cultural community, which are the most sustainable socio-cultural entities (cultural forms) and perform translation-communication function of the culture impact on personality development and social relations. The authors concluded that cultural forms were the main determinants of socio-cultural identification with internal mechanism – cultural forms of thinking

Chekrygina Tatyana Alekseevna – candidate of psychological sciences, senior researcher of the Department of Scientific Research of the creative heritage of A.V. Kalinin, Rostov region GBUK «Razdorskij ethnographic museum-reserve», Russia, st. Razdorskaja.
Ivashchenko Anna Petrovna – assistant at the Department of History and Philosophy of Rostov State Medical University, Russia, Rostov-on-Don.

В произведениях истинного писателя, глубокого мыслителя и патриота своего времени А.В. Калинина, отражена культура и эстетика XX века. Как основную ценность прошлого века он утверждает жизнь человека. Он пишет, как человек живя по сакральным законам бытия, творит вокруг себя благо. Лейтмотивом его произведений звучит мысль «живи по совести и чести» [5]. Тенденции сегодняшнего дня уничижать достоинства прошлого века, выдергивая из истории куски, разрушая тем самым социодинамический процесс, лишают человека перспективного видения идентификационных ориентиров. Человек настоящего времени лишен прошлого и не уверен в будущем, однако даже на плоскости не имея координат, не проведешь и прямой линии, а что тогда говорить о пространстве жизни человека. Прогрессивное, поступательное развитие, базируется на позитивном социальном опыте, отмечал О. Конт, на достижениях, ведущих к успеху [6]. Весьма непростым является наше время – оно отражает то, что древние греки назвали словом kairos – «подходящий момент»: подходящий как нельзя лучше для «метаморфозы богов», основополагающих принципов и символов. Эта особенность нашего времени – хотя это не наш сознательный выбор – является выражением меняющегося бессознательного внутри нас самих. Грядущим поколениям придется дать себе отчет в этих исторических переменах – если только человечеству не суждено уничтожить себя собственной научно-технической мощью, – отмечал К.Г. Юнг [11]. Человеку необходимы идентификационные ориентиры, закрепленные в культурных формах как основа его культурного мышления. Исходя из этого, возникла идея теоретико-эмпирического исследования социокультурных детерминант идентификации личности, проводимого авторами статьи с 1997 по 2013 год в Южном регионе России (на выборке 1260 человек в возрасте с 12 до 20 лет), результаты которого легли в основу монографий (Чекрыгина, 2006г., 2013 г.) [9; 10]. Исследование было, направленно на решение актуальных проблем социо – и культурогенеза, и в результате в монографиях было изложено теоретическое и эмпирическое обоснование идентификации как одного из основных механизмов воздействия культуры на человека. Первая проблема касается изучения социокультурных предпосылок возникновения и развития личности в истории общества, на оси «исторического времени». Теоретически обосновывается, что таким началом – является «Осевое время» Карла Ясперса [12]. Вторая проблема связана с

изучением развития личности в разных культурах «социального пространства» определенной эпохи, а также в разных социальных группах данной культуры. Из понимания культуры как процесса сигнификации, то есть процесса, в ходе которого осуществляется непрерывное создание и воспроизводство человеком смыслов, знаков, с помощью которых он вначале оказывает влияние на поведение людей, а затем использует их как «средство», особое орудие овладения своим собственным поведениям, обосновывается присущий только человеку регулятивный принцип управления поведением. «Специфически человеческое поведение личности – это активное приспособление к будущему. Во-первых, оно протекает как произвольное действие; во-вторых, акт приспособления к будущему является непрямым опосредованным актом по своей структуре; в-третьих, такого рода вспомогательный «знак-средство» представляет собой изобретение, присущее человеку данной конкретной культуры» [1]. Л.С. Выготский являлся основоположником культурно-исторической концепции, далее ее развили отечественные и зарубежные психологи такие как: А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, А.В. Запорожец, А.В. Петровский, А.Г. Асмолов, М. Коул, П.М. Гринфилд, Б. Рогофф, Дж. Верч и др. Именно в рамках этой концепции возник и развился подход к исследованию влияния культуры на развитие личности в социальном контексте – подход социальной психологии культурной динамики, с позиций которого было проведено наше исследование. Сущность данного подхода заключается в использовании философско-культурологического анализа культурно-исторического процесса с целью выявления в нем основных факторов, характерологических черт, присущих определенной социокультурной общности, которые являются наиболее устойчивыми социокультурными образованиями (культурными формами) и выполняют трансляционно-коммуникативную функцию воздействия культуры на развитие личности и социальные взаимоотношения. Культурные формы рассматриваются нами в качестве основных детерминант социокультурной идентификации; они играют особую роль в процессе формирования, адаптации и социализации личности в быстроменяющихся социокультурных условиях.. Идеальная форма, по Л.С.Выготскому, как форма культурного поведения есть продукт исторического развития человечества; во всяком исторически возникшем приобретении человеческой культуры отложились сформировавшиеся в ходе этого процесса человеческие способности. В культуре содержатся в готовом виде формы поведения, способности, качества личности, которые должны возникнуть у человека в ходе его развития. Вне взаимодействия с культурными (идеальными) формами индивид никогда не разовьет в себе специфически человеческих качеств. Высшие психические функции: мышление в понятиях, разумная речь, логическая память, произвольное внимание, воля, чувства и т. п. – являются новообразованиями онтогенетического развития, но они уже содержатся в культуре в форме образцов мысли, ценностей и норм социальных отношений, способов деятельности [3]. Соответственно взглядам А. Моля, культуру мы рассматриваем как «интеллектуальное оснащение», которым располагает каждый отдельный человек в тот или иной момент, а также как структуру знаний, которыми он обладает. «Культура не тождественна мышлению, которое в отличие от нее представляет собой активный процесс, но мышление порождается культурой и питается ею, по-разному комбинируя элементы знаний, хранящиеся в памяти каждого ее представителя. Культура по отношению к духовной жизни выступает как необходимый материал мысли, как нечто освоенное и наличное, как содержание. В качестве материала мысли культура – нечто данное; а мысль – то, что из него создают; мышление тем самым есть становление культуры» [7]. А целью и завершением всех мыслительных процессов является достижение состояния идентичности, отмечает З. Фрейд [8]. На основании сопоставительного анализа концепций развития культуры и общества Ф. Боаса, М.М. Бахтина, В.С. Библера, Н.Я. Данилевского, А. Кребера, Д. Малиновского, А. Тойнби, Дж. Стюарта, Дж. Феблмана и др., идей Р. Тарнаса, В.А. Шкуратова, Е.Д, Чекрыгина и др. о влиянии культурно-исторического процесса на сознание человека и общественное сознание, идей К. Ясперса о влиянии культуры на тип мышления, и его концепции «Осевого времени» [11], основываясь на культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, мы даем свое видение влияния культуры на проявления разных уровней идентификации и формирования определенных видов идентичности. Рассматривая культурно исторический процесс как ход истории, имеющий и свое течение, и свои водоразделы, мы условно выделяем в нем культурно-исторические эпохи, этапы, периоды характеризующиеся, прежде всего, особым типом культурных форм, отражающих ту или иную культурную форму мышления, и выполняющих трансляционно-коммуникативную функцию воздействия культуры на человека. По нашему мнению эта особая форма культурного мышления является внутренним механизмом процесса идентификации.

В данной статье мы не будем описывать все указанные эпохи и периоды, которые подробно описаны в монографии автора статьи «Социокультурные детерминанты идентификации личности» (Чекрыгина, 2006) [9], а обратим внимание на Современность, которая характеризуется нами как тип – рациональной культуры, с рациональной (разумной) формой мышления. «Разум вообще можно определить как способность индивида (в «горизонте личности) мыслить (понимать) всеобщее» [2]. В эпоху современности представлены все предыдущие типы идентификации, основанные на «понимании» или определенной форме культурного мышления, но свойственными для данной эпохи является идентификация, механизмом которой является внутренняя «диалоговая» рефлексия. «Понимание есть рациональное «постижение» предмета в его вне-логическом бытии. Это «постижение» есть формирование в уме, мысленно, – некоего понятия, мысленного предмета. Понятие может осуществляться, воспроизводя (в уме) предмет «о-пределивания» (античность), или предмет «причащения» (средние века), или предмет «познания» (Новое время). Или – воспроизводя в понятии культурологическое сопряжение всех форм понимания (канун XX1века)» [2]. В отличие от современности постмодерн, представляющий настоящее время характеризуется нами как – рационально-мифологическая культура, с модернистским мышлением (рационально-трансцендентальная

форма мышления), отражающим такие аспекты бытия, которые выходят за сферу ограниченного существования, превосходят границы конечного эмпирического мира. Это, прежде всего мир виртуальной реальности, созданный новой информационно-технологической средой и мультимедийными технологиями. Настоящему времени соответствует концепция Я, рождающаяся как плод общности того, что Кант называл «логикой» и «психологией», является предпосылкой антропологизации познания, чьей формулой выступает поиск человеческого в человеке и апелляция к соответствию человека приписанной ему сущности, как «гражданина мира» [4].

Список литературы

1. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. – М., 2008. – С. 32.
2. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М., Политиздат, 1990. – 413 с.
3. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. – М., 1984. – С. 360.
4. Кант И. Что значит ориентироваться в мышлении? // Соч. Т. 8. – М., 1994. – С. 103.
5. Калинин А.В. Из архива писателя: (газета «Донская речь», 21 августа 1996г., статья «Жить по совести и чести»диалог с А. Калининым).
6. Конт О. Курс позитивной философии. Т. 3. (Антология мировой философии. – М., 1971. – Т. 3. – С. 553–556.
7. Моль А. Социодинамика культуры // Мир через культуру. – М.: Изд-во МГТУ, 1995. – С. 38–57.
8. Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я». В 2 т. Т. 2. – Тбилиси, 1991. – С. 211.
9. Чекрыгина Т.А. Социокультурные детерминанты идентификации личности. – Ростов н/Д: Изд-во Рост.ун-та, 2006. – 320 с.
10. Чекрыгина Т.А. Метаморфозы социокультурной идентификации личности в России. – Ростов н/Д.: Изд. ДГТУ, 2013. – 170 с.
11. Юнг К.Г. Архетип и символ (Серия «страницы мировой философии»). – М., 1991. – С. 137.
12. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991. – С. 32.

References

1. Asmolov A.G. Psihologiya lichnosti_ kulturno_istoricheskoe ponimanie raz_vitiya cheloveka.... M._ 2008. S. 32.
2. Bibler V.S. Ot naukoucheniya – k logike kulturi_ Dva filos.vvedeniya v dvadcat pervii vek. – M._ Politizdat. 1990_413s.
3. Vigotskii L.S. Sobr.soch._V 6t. T. 4 . M._1984_ s. 360.
4. Kant I. Chto znachit orientirovatsya v mishlenii // Soch. T. 8 M. 1994, s. 103.
5. Kalinin A.V. Iz arhiva pisatelya. _(gazeta «Donskaya rech» 21 avgusta 1996g. statya «Jit po sovesti i chesti» dialog s A. Kalininim)
6. Kont O. Kurs pozitivnoi filosofii. Tom. 3. _Antologiya mirovoi filosofii. M._ 1971. T. 3. S. 553_556.,
7. Mol A. Sociodinamika kulturi/Mir cherez kulturu. M._Izd-vo MGTU, 1995, s. 38–57.
8. Freid Z. Massovaya psihologiya i analiz chelovecheskogo «Ya». V 2 t. T.2.Tbilisi, 1991, s. 211.
9. Chekrigina T.A. Sociokulturnie determinanti identifikacii lichnosti. Rostov n/D_ Izd_vo Rost.un-ta,2006, 320 s.
10. Chekrigina T.A. Metamorfozi sociokulturnoi identifikacii lichnosti v Rossii_ Rostov- na-Donu, Izd. DGTU, 2013g., 170 s.
11. Yung K.G. Arhetip i simvol _Seriya «stranici mirovoi filosofii»,. M._1991_s.137.
12. Yaspers K. Smisl i naznachenie istorii. M._1991_s. 32.

Этнические группы у калмыков: материалы о группе зёд (зөд)

УДК 323.11+39
DOI 10.21661/r-467223

The Kalmyks' ethnic groups: information on zed (зөд) groups

Шараева Татьяна Исаевна –
канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и археологии ФГБУН «Калмыцкий научный центр РАН», Россия, Элиста.

Аннотация

Ойраты, пришедшие в степи Нижнего Поволжья, имели разнообразный этнический состав, включавший ойратские, тюркские и монгольские по происхождению группы. Многие тюркские этнические группы Саяно-Алтая были включены в состав ойратов в период Джунгарского ханства. Анализ материалов по этнической группе зёт в составе субэтноса дербетов Калмыкии позволяет сделать выводы о тюркском происхождении группы, что также сохраняется в предании о родоначальнике рода. Сравнительный материал по тюркским народам подтверждает наши выводы.

Ключевые слова:
тюрко-монгольские народы, калмыки, этнический состав, иноэтничный компонент, тувинцы.

Keywords:
Turkic-Mongolian peoples, Kalmyks, ethnic composition, ino-ethnic component, Tuvinians.

Sharaeva Tatiana Isaevna –
PhD in History, senior scientist of History, Ethnology and Archeology Department at Kalmyk Scientific Center of the RAS, Russia, Elista.

Annotation

Oirats who came to the steppes of the Lower Volga region had a diverse ethnic composition, including Oirat, Turkic and Mongolian by origin groups. Many Turkic ethnic groups of the Sayano-Altai were included in the Oirats in the period of the Dzungarian Khanate. The analysis of materials on the ethnic group in the subethnos of the Kalmyk derbets allows one to draw conclusions about the Turkic origin of the group, which is also preserved in the legend of the ancestor of the genus. Comparative material on the Turkic peoples confirms our conclusions.

Калмыки – этнос, сложившийся из различных этнополитических объединений ойратов (дербетов, торгутов, хошутов), пришедших в степи Нижнего Поволжья в XVII веке из Центральной Азии. Каждое из этих объединений имело сложный этнический состав, и как отмечали исследователи в них входили остатки древних тюрко-монгольских родоплеменных групп как, например, хойты, меркиты, урянхусы, батуты, цоросы, кереиты, чоносы, абганеры и др [5, с. 63]. Как отмечал Г.О. Авляев, в описании этнического состава калмыков в начале XX века, «калмыки как этнос прошли сложный и весьма длительный исторический путь, в процессе которого имели разнообразные этнические, историко-культурные и другие контакты с народами Центральной Азии, Южной Сибири, Средней Азии и Поволжья» [2, с. 5]. В настоящее время вопросы этнического состава калмыков все еще остаются малоисследованными.

В составе субэтнической группы дербетов есть этническая группа *зёт* **(***зөд***).** Ее представители большей часть проживают в Малодербетовском районе Республики Калмыкия, есть род зёт **(***зөд***)** в субэтнической группе бузавов, проживающие в Зимовниковском и Сальском районе Ростовской области. Считается, что они пришли на Волгу в XVII веке в составе *бурульских* родов дербетов, которые имели «…в себе некогда пять главных родов: Туктунов, Бурулов, Зюнев, Шабинеров и Абганеров, из числа их первые четыре прибыли из Зюнгарии, а последний образовался уже в России, в начале прошедшего столетия» [4, с. 321]. На протяжении XVII–XVIII вв. бурулы являлись одним из наиболее крупных таксонов Дербетовского улуса*. Небольшая часть *зётов* также была в составе Зюновских родов этого же улуса. После ухода значительной части калмыков с территории России в 1771 году на территорию бывшей Джунгарии, изменились этнический состав оставшихся улусов, их численность и территории кочевий. К тому же именно в Дербетовском улусе в XVIII – XIX веках происходило постоянное дробление аймаков** внутри улуса. По данным К. Костенкова в середине XIX века среди бурулов числились *зёты* зайсанга Аршиева 119 кибитки, в составе зюнов – 51 кибитка *зет-кебютов* зайсанга Арабданова [4, с. 337]. *Зет-кевюды* в составе *зюновских* родов были приходом Сампил Норбо хурула по отчету главы дербетовских хурулов южной части улуса [10, с. 127].

В начале XX века после разделения Малодербетовского улуса на две части (собственно Малодербетовский улус и Манычский) рода *тевктнеры* (83 киб.), *шаряды* (45 киб.) и *зёды* (192 киб.) [4, с. 337] оказались в списках родов Малодербетовского улуса, причем численность их значительно возрастает, а территория кочевий смещается. Необходимо также отметить, что в списках уже Манычского улуса *зет-кебюты* **(***ики-зет-кебюты***)** указаны как *ики-кебюты* в количестве 284 кибитки, или семей. Они кочевали по урочищам Манцын-Улан-Зуха, Манцын-Шара-Булук. Необходимо отметить, что *кебюты (кебюты, кевюны, кевюды)* считались у калмыков социальной группой, а термин «кебюн» (калм. көвүн – мальчик, юноша) обозначал прислугу, домашнюю челядь. Какая-то часть *зет-кебютов* попала во второй половине XIX века на

Дон, где разделились на зёт (*зөд*) и маанин зёт (*маанин зөд*). Последние были названы так из-за принадлежности к хурулу и выполнению там обязательных работ (*калм.* маань – молитва; текст молитвы, напечатанный на ткани, бумаге – Т.Ш.) [3, с. 9, 10]. Рода *зёт,* бывшие в Манычском улусе, в настоящее время составляют этническую группу *кевюды*, большинство их проживает в поселке с одноименным названием в Ики-Бурульском районе РК.

Небольшое количество *зётов* входило в состав этнической группы Дунду хурульские шабинеры (проживают ныне в Малодербетовском районе РК). Согласно существующей легенде, они были переданы в количестве 40 кибиток (семей) их нойоном в дар буддийскому монастырю, согласно существовавшей в то время традиции. Потомки этих *зётов*, составляя одно из родовых объединений, проживают в поселке Унгун Тёрячи Малодербетовского района РК совместно с родами *ааджуд* и *джеджетены* [11, с. 160–162].

В 20-х годах XX века аймак, в котором проживали зёты в Малодербетовском улусе вошел в состав Царицынской губернии (теперь этот район входит в состав Волгоградской области). Рода *зёт (зөд), капкихины (капкихн), тергтнер абганеры (тергтн авһнр), шаряды (шаряд) и тевктнеры (тевктнр)* были объединены под общим названием «Ар тавн hол» («Пять северных рек»). Они проживали в селах Червленное (*тергтнер абганеры*), Красноселец (*шаряды*), Березов (*капкихины)*, Привольный (*тевкнеры*), Северный (*зёт*). Единство родов отображалось в виде крестообразно соединенных пяти колец (три по вертикали, два по бокам) на тамге (тавро) как родовом знаке. *Зёты* кочевали у рек Донская Царица и Бургуста, а также и по балкам Песчаной, Худжирта, Крутой (Надбитов 2011: 32). В их составе были следующие арваны***: «*зэд, абганер, шаряд, харнуд, бурул, номчуд*» [12, с. 108]. Вероятно, большее количество *арвн* отображено в источнике из-за того, что несколько из них входили в один род, как это было принято у калмыков.

Именно о родах «Ар тавн hол» упоминал в своем отчете о поездке к Астраханским калмыкам в 1909 году Номто Очиров, направленный Восточной секцией Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, для сбора образцов народного фольклора, составления описания этнического состава и быта калмыков. Как отметил исследователь: «…состоит из 4-х десятков (арвн): *абһнр арвн, номчд арвн, харнд арвн и зөд арвн* (от последнего происходит и название всего рода). По рассказам одного стрика, был когда-то татарин «Жөд», который какими-то судьбами попал к калмыкам и явился родоначальником «*зөд арвн*». Согласно его данным *абганеры* (*тергтнр абганеры*) были выходцами из рода с одноименным названием в Малодербетовском улусе, род «*номчуд*» назван так, потому что «из его среды выходили образованные духовные лица», образовавшие позднее хурул, а появление названия четвертого рода ему не удалось выяснить потому, что «…выяснить происхождение названия родов и десятков очень трудно; здесь нашла себе широкое применение народная этимология» [7, с. 41]. Согласно данным этого предания и зафиксированных нами у информантов (тексты предания почти сходны) у *зётов* было тюркское происхождение. В современных вариантах легенды имя предка указывается как Изөд или Зөд.

По мнению Г.О. Авляева термин *зёт* у калмыков представляет собой «калмыцкий вариант произношения тувинского, а точнее самодийского этнонима *чот, чоот, чоогду (йот, дьет*)» [1, с. 363]. Как предположил исследователь, зеты попали в состав ойратов, этнических предков калмыков, будучи еще в составе «лесных племен» Алтая, бывшими данниками Джунгарского ханства. После гибели ханства какая-то часть предков зетов осталась на территории Монголии, другая часть с дербетами попала в Нижнее Поволжье. Возможно, подтверждением этому может служить то, что представители этнической группы *зёт* проживали и проживают в Калмыкии среди представителей субэтнической группы дербетов.

С точки зрения монгольского этнолога А. Очира, *зөөд* относятся к потомкам самодийских родов, которые издревле расселялись в Южной Сибири и, будучи ассимилированы ойратами (дербетами и баятами) и хубсугульскими дархатами, омонголились. «При этом зөөд появились среди дербетов, баятов и калмыков еще до того, как дербеты переселились на волжские земли» [6, с. 95], что и определило наличие одноименных групп среди дербетов Монголии и дербетов Калмыкии.

Как отмечает А. Очир зафиксированые среди хубсугульских дархатов названия родов *хар зоот, цагаан зоот и шар зоот*, ученый определенно считает одним из вариантов этнонима зөөд и связывает с названиями *чжот, чогду, джеты, джокду, чеда, джода и чота,* отмечая, что они есть среди алтайцев и шорцев. Названия тувинских и хакасских родов *чооду, ак чооду и кара чооду* А. Очир также считает вариантом терминов *зөөд и зоот* [6, с. 94, 95]. При рассмотрении этнического состава алтайцев Л.П. Потапов указывал, что алтайский сеок Чооты, или Йоты, образовался среди кумандинцев и тубаларов из-за переселения телеутских родов. Об этом упоминается в предании о переходе двух братьев, родоначальников этих родов, из Аккыштымской волости Кузнецкого уезда на Бию [8, с. 60]. Предваряя описание родов чооду у тувинцев, Л.П. Потапов отмечал, что этноним «*чооду*» в форме *«чооду», «чооты» (йоты, дьеты), «йуты» (дьуты)* известен кроме тувинцев у тофаларов, телеутов – ак-киштымов, кумандинцев, тубаларов, хакасов (койбалы). По его данным, в Туве чооду проживали в нескольких местах и находились в трех хошунах: Оюннарском (чооду составляли особый сумон), Тоджинском (*ак-чооду и кара-чооду*) и Да-вана. Южные чооду (нарынская группа), которых соседние моголы называли харь чоод, т.е. черные чооду (тув. Кара-чооду) были компактной группой в Эрзинском районе. Их появление в этом районе предание относит к первой половине XIII века и связывает с именем Бату, внука Чингис-хана. Согласно преданию, чооду появились в Туве как военнопленные. Прародитель эрзинских чооду был куплен Бааты-ханом (Бату-ханом). Затем он вошел к нему в доверие и был им поставлен для охраны границы в Эрзине. У этого чооду было семь сыновей и семь дочерей, от которых и размножились чооду [9, с. 62].

Таким образом, анализ материалов по этнической группе *зёт* в составе субэтноса дербетов-калмыков

позволяет сделать выводы о нахождении ее в составе еще с ойратского периода. Предположение об общем происхождении калмыцких родов зётов с тюркскими племенами Саяно-Алтая, подтверждается в рассмотренных нами материалах. Тюркское происхождение представителей этнической группы *зёт* сохраняется в предании о родоначальнике рода.

Примечания

*Улус – крупная административно-политическая единица (численность примерно от 4 тысяч и до 15 тысяч и более кибиток, или семей).

**Аймак – средняя административная единица, численностью от 300 и до 600–800 и более кибиток.

***Арвн – родовая группа.

«Социокультурные, этногенетические и этноантропологические исследования родовых групп народов Центральной Азии (на примере Республики Тыва, Республика Алтай, Республики Калмыкия, Монголии и Синьцзянь-Уйгурского Автономного округа Китая)» № 16-21-03002/17-ОГОН.

Список литературы

1. Авляев Г.О. О тюркских этнических компонентах в этническом составе приволжских калмыков конца XIX в. [Текст] / Г.О. Авляев // Проблемы современной тюркологии: Материалы II всесоюзной тюркологической конференции (27–29 сентября 1976 г.). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1980. – С. 361–364.
2. Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа [Текст] / Г.О. Авляев. – 2-е изд., перераб. и исправл. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. – 325 с.
3. Алексеева П.Э. Об этническом составе донских калмыков [Текст] / П.Э. Алексеева, А.Э. Борманджинов. – Элиста: АПП «Джангар», 1999. – 41 с.
4. Митиров А.Г. Ойраты – калмыки: века и поколения [Текст] / А.Г. Митиров. – Элиста: Калм.кн. изд-во, 1998. – 384 с.
5. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период [Текст] / Под ред. Н.В. Устюгова и др. – М.: Наука, 1967. – 480 с.
6. Очир А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов [Текст] / А. Очир. – Элиста: КИГИ РАН, 2016. – 304 с.
7. Очиров Н. Избранные труды Номто Очирова [Текст] / Н.Очиров. (Сер. «Номин зөөр» («Научное наследие»). – Элиста: АПП «Джангар», 2002. – 152 с.
8. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев [Текст] / Л.П. Потапов. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. – 196 с.
9. Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев [Текст] / Л.П. Потапов. – М.: Наука, Глав. ред. вост. лит. – 1969 (б). – 402 с.
10. Шараева Т.И. К вопросу об этническом составе аймака бурул и одноименной группы родов субэтнической группы дербетов-калмыков [Текст] / Т.И. Шараева // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов: сборник научных трудов / Рос. акад. наук, Калм. ин-т гуманитар. исслед. РАН. – Элиста: КИГИ РАН, 2009. – Вып. 1. – С. 124–130.
11. Шараева Т.И. Этническая группа Дунд хурла шевнр: фольклорные источники по истории возникновения групп (по данным полевых материалов) [Текст] / Т.И. Шараева // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов: сборник научных трудов / Рос. акад. наук, Калм. ин-т гуманитар. исслед. РАН. – Элиста: КИГИ РАН 2008. – Вып. 2. – С. 158–163.
12. Эрдниев У.Э. Материалы по калмыцкой этнонимии [Текст] / У.Э. Эрдниев // Вестник института. (Сер. этнография). – Элиста: КНИИЯЛИ, 1974. – Вып. 10. – С. 99–115.

References

1. Avlyaev G.O. Problemi sovremennoi tyurkologii. Abstracts of Papers. September 27–29, 1976. – Alma-Ata, Nauka KazSSR, 1980. P. 361–364.
2. Avlyaev G.O. Proishojdenie kalmickogo naroda. Elista, Kalm. kn. Izd, 2002. 325 p.
3. Alekseeva P.E._ Bormandjinov A.E. Ob etnicheskom sostave donskih kalmikov. Elista, APP «Djangar», 1999. 41 p.
4. Mitirov A.G. Oirati – kalmiki_ veka i pokoleniya. Elista, Kalm. kn. Izd-vo, 1998. 384 p.
5. Ocherki istorii Kalmickoi ASSR. Dooktyabrskii period. Moscow, 1967. 480 p.
6. Ochir A. Mongolskie etnonimi_ voprosi proishojdeniya i etnicheskogo sostava mongolskih narodov. Elista, KIGI RAN, 2016. 304 p.
7. Ochirov N. Izbrannie trudi Nomto Ochirova. Elista, APP «Djangar», 2002. Ser. «Nomin z??r», «Nauchnoe nasledie». 152 p.
8. Potapov L.P. Etnicheskii sostav i proishojdenie altaicev. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1969. – 196 p.
9. Potapov L.P. Ocherki narodnogo bita tuvincev. Moscow, 1969. – 402 p.
10. Sharaeva T.I. K Voprosu ob etnicheskom sostave aimaka burul i odnoimennoi gruppi rodov subetnicheskoi gruppi derbetov_ kalmikov. Article in Problemi etnicheskoi istorii i kulturi tyurko_mongolskih narodov. Elista, 2009. pp. 124–130
11. Sharaeva T.I. Etnicheskaya gruppa Dund hurla shevnr (folklornie istochniki po istorii vozniknoveniya grupp po dannim polevih materialov). Article in Problemi etnicheskoi istorii i kulturi tyurko_mongolskih narodov. Elista, 2008. pp. 158–163
12. Erdniev U.E. Materiali po kalmickoi etnonimii. Vestnik instituta. Elista, 1974. Ussue 10. Ser. ethnography. Pp. 99–115.

О Родине, Отчизне, Отечестве

УДК 9
DOI 10.21661/r-467304

About the Homeland, Motherland, Fatherland

Кохичко Андрей Николаевич –
д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры педагогики ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет», Россия, Мурманск.

Аннотация

Среди базовых национальных ценностей, выступивших основой духовно-нравственного развития, воспитания и социализации обучающихся, особое место занимает патриотизм. Несмотря на актуальность формируемой категории, анализ литературы по теме исследования указывает как на противоречивость трактовок патриотизма, так и на его недостаточное методологическое обоснование. В данной статье раскрываются основы и содержание патриотизма в отечественной языковой ментальности.

Ключевые слова:
базовые национальные ценности, патриотизм, Родина, отчизна, отечество, любовь.

Keywords:
basic national values, patriotism, Motherland, Fatherland, homeland, native land, love.

Annotation

Patriotism occupies a special place among the basic national values, which became the basis of spiritually-moral development, education and socialization of students. Despite the relevance of the generated categories, the analysis of pedagogical literature on the research topic highlights both the contradictory interpretations of patriotism, and for its lack of methodological justification. This article covers the basics and the content of patriotism in the national language mentality.

Kokhichko Andrey Nikolaevich –
doctor of pedagogical sciences, associate professor, professor of the Department of Pedagogy at Arctic Murmansk State University, Russia, Murmansk.

«Основным содержанием духовно-нравственного развития, воспитания и социализации, – отмечается в «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» [2, с. 6], – являются базовые национальные ценности, хранимые в социально-исторических, культурных, семейных традициях многонационального народа России, передаваемые от поколения к поколению и обеспечивающие успешное развитие страны в современных условиях» [2, с. 18].

«Патриотизм, – по мнению авторов документа государственного образца, – чувство и сформировавшаяся позиция верности своей стране и солидарности с ее народом. Патриотизм включает чувство гордости за свое Отечество, малую Родину, т.е. город или сельскую местность, где гражданин родился и воспитывался. Патриотизм включает активную гражданскую позицию, готовность к служению Отечеству» [2, с. 7].

Тем не менее, несмотря на актуальность поставленной проблемы [6; 7], смешение, градация, противопоставление рядом авторов гражданского, правового, политического, нравственного, патриотического, военно-патриотического, религиозного, интернационального и других аспектов воспитания, ориентация на наполнение национальных (российских, общероссийских) ценностей «общечеловеческим» содержанием (ср., например, терпеливость – терпимость, соборность – солидарность и т. д.), свидетельствуют о противоречивости и недостаточной методологической разработанности не только содержания патриотического воспитания, но и самого понятия «патриотизм».

Значение слова *патриот,* образованного от греческого πατριώτης – «земляк», «соотечественник», «тузем-ец» [11, Т. 2, с. 27; 23, Т. 3, с. 217; 24, с. 292], было изменено в романских языках. В России *патриот* в значении «сын отечества» через немецкое *Patriot* (первые упоминания относятся к XVI в.) или французское *patriote* от среднелатинского *patriōta* (*pater, patris* – «отец», «родители», «глава», «распорядитель», *patria* – «происхождение по отцу» > «поколение» > «род, племя» > «отчизна», «отечество»), начинает употребляться в Петровскую эпоху.

В лексике русского языка под «патриотизмом» понимается:

«Любовь къ отчизнѣ» [1, Т. 3, с. 197].

«Любовь къ отечеству» [14, с. 644; 15, с. 422; 17, Т. 3, с. 163].

«Любовь къ отечеству, ревность о его славѣ и чести» [11, Т. 2, с. 27].

«Любовь, преданность отечеству и своему народу» [3, с. 496].

«Любовь, преданность и привязанность к отечеству, своему народу» [22, с. 442].

«Преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу» [9, с. 496].

«Любовь къ отечеству, къ своей культурѣ, желаніе служить своей странѣ, защищая ее отъ вторженія внешнихъ враговъ, развивая ея права и вольности, поддерживая ея законы и учрежденія» [8, с. 354].

«Любовь к родине, преданность своему отечеству, своему народу» [13, с. 367; 16, Т. 3, с. 22; 18, с. 499].

«Любовь къ родной странѣ, желаніе быть полезнымъ отечеству, своему народу» [8, с. 386] и пр.

Как видим, основанием отечественного патриотизма является *любовь,* в одном случае к родине (родной стране), в других – к отечеству, к отчизне. Несмотря на сближение *родины* с *отечеством* и *отчизной*, рассмотрим данные понятия более подробно.

Древнерусское *родина*, как отмечают А. Преображенский, О.Н. Трубачев, М. Фасмер, Г.П. Цыганенко, П.Я. Черных и др., образовано от общеславянского *rodъ*

(ordъ) – «происхождение» («рождение») > «место рождения» > «отчизна» (отечество»), где индоевропейский корень *u̯erdh-: u̯redh- (u̯rōdh-)* – «расти», «разрастаться», «прибывать», «подниматься». Допустимо думать, что праславянское *ordъ* родственно арамейскому *ordi* – «сын», хеттскому *hardu-* – «правнук». Родина в значении «родная страна» впервые встречается у Г. Державина [11, Т. 2, с. 208–209; 23, Т. 3, с. 491; 24, с. 358; 25, Т. 2, с. 118–119].

Родъ в древнерусском языке, в аргументации И.И. Срезневского, употреблялось в значениях: «рожденіе; происхожденіе; семья, родня, родственники; родъ, поколѣніе; родъ, совокупность поколѣній, происходящихъ отъ одного родоначальника; племя, народъ; родина; соплеменникъ, землякъ; совокупность людей съ общими отличительными чертами; родъ, порода; родъ, совокупность предметовъ съ общими главными качествами; природное свойство; родъ, грамматическій терминъ; урожай; судьба (?); названіе божества древнихъ Славянъ; геенна; гора [21, Т. 3. Ч. 1, с. 135–138]. Таким образом, исходное значение *родины* – «происхождение» («рождение»), затем – «семья», «родня», «родственники», далее – «место рождения», в итоге – «родная страна», («отчизна», «отечество»).

Древнерусские *отьчьство* и *отьчьствие* являются производными от общеславянской основы *otьk* (отец). Старшее значение – «земля отцов» [25, Т. 1, с. 611]. В общеславянском *otьcь* (корень *ot-,* суффикс *-ьс-*) индоевропейский корень *at-* (> о.-с. *ot-*), характерный для детской речи. Удвоенная форма *atta* сохраняется в готском *atta* (откуда личное имя Attila), также в древневерхненемецком *atto,* латинском *atta,* греческом ἄττα – «папаша», осетинском *æda* – тж., древнеиндийском *attā* – «мать», «старшая сестра матери» (как слово детской речи оно известно и в неиндоевропейских языках: турецком *ata* – «отец», черкесском *atte* – тж. и др.) [11, Т. 2, с. 668; 23, Т. 3, с. 170; 25, Т. 1, с. 611].

Как отмечает И.И. Срезневский [21, Т. 2. Ч. 1, с. 833–834], *отьчьство* (отечество, отчество) в древнерусском языке означало: «отечество, родина; избранная страна; род; свойства отца; званіе духовника; наслѣдственыя, родовыя права; отеческая честь, достоинство».

Слово *отьчизна,* отмечаемое в памятниках с XV века, образованное от *отьчий* «отцовский, идущий от отцов» > «отцовский, родной, родительский» [24, с. 283], в древнерусском языке значило: «отцы, предки, родъ; вотчина, родовое владѣніе; право родового владѣнія» [21, Т. 2. Ч. 1, с. 830].

Терминологизация понятий *отьчьство* и *отьчизна* – явление более позднее, закончившееся уже к XVII в. [25, Т. 1, с. 611].

Признавая синонимичность *родины, отечества* и *отчизны,* нашедшей отражение в современной лексике русского языка, отметим, что исторически у вышеназванных понятий в отечественной ментальности есть и содержательные оттенки.

Традиционно под *родиной* понималось:

«Мѣсто, гдѣ кто родился. *Здѣсь моя родина*» [17, Т. 4, с 67].

«Родимая страна, мѣсто проживанія въ раннемъ возрастѣ; <…> родина – это уѣздъ, губернія, гдъ выросъ человекъ» [8, с. 511].

«Родимая земля, мѣсто рожденья кого; в обширномъ значеніи земля, государство, гдѣ кто родился; в тесномъ городъ, деревня. *И кости по родинѣ плачутъ* (по преданію, что въ нѣкоторыхъ могилахъ слышенъ вой костей» [1, Т. 4, с. 7] и пр.

Отчизна: «Достояніе, наслѣдство послѣ отца» [10, с. 399].

Отечество:

«Государство въ коемъ человекъ родился и воспитался» <…> «государство, въ которомъ находится родина» [8, с. 371].

«Государство въ отношеніи к тому, кто въ немъ родился, или сдѣлался подданым. *Любовь къ отечеству. Защищать отечество*» [17, Т. 3, с. 496].

«Родная земля, отчизна, гдѣ кто родился, выросъ; корень, земля народа, къ коему кто, по рожденью, языку и вѣрѣ принадлежитъ; государство, въ отношеніи къ подданымъ своимъ; родина, въ обширном смыслѣ. *Отецъ мой выходецъ, а мое отечество Русь, руское государство. Второе отечество,* земля, гдѣ выходецъ поселился, принявъ подданство, или прочно, навсегда водворившись. *За отечество живот кладутъ,* о воинахъ. <…> *Рыбам море, птицам воздух, а человеку отчизна вселенный круг. Отчизнушка, отчизненка ты моя!*» [1, Т. 2, с. 1299].

Согласно исследованиям В.В. Колесова, Д.В. Колесова, А.А. Харитонова [5, Т. 2, с. 180], «Родина – общность *рождения народа,* восходящая к предкам (*рода*) в неизменной среде обитания (*природа*).

Представляет собой единство места (*ро́дина*), времени (*родина́*) и субъектов рождения (*роди́на* как *родичи*) применительно к отдельному лицу; единство земли, государства и веры предков, т.е. физической, социальной и духовной слитности представлений о том, что, являясь ключевым понятием культуры, всегда обозначалось как *Родина*».

Отчизна – родное *отечество* как место рождения.

Предполагается, что человек относится к Отчизне как к одному из родителей, поэтому готов служить ей вплоть до своей смерти» [5, Т. 1, с. 586].

«Отечество, – продолжают авторы, – земля *отцов* как символ животворности места, жизнеспособности рода (родина) и права народа на наследственное владение (*отчизна*).

Для Отечества социальные признаки власти владения и власти важны наряду с природно-физическими и духовно-идеологическими (ср. *царство-государство*): Отечество передается от *отцов* к сыновьям и всегда пребывает в *отчине* (*отчина/вотчина* «земля предков», отчий край). <…> Отечество дает силу и питает, при этом само нуждается в защите от врагов» [5, Т. 1, с. 578–579].

Подводя итог изложенному выше, отметим, что ментально *родина* – «место рождения», «родная (родимая) страна (земля)» (губерния, уезд, город, деревня и пр.) субъекта (индивидуума, народа). Помимо *природно-физического* (места и времени рождения) и *социального* (субъектов рождения – родичей) содержания, анализируемое понятие подразумевает и *духовный* (духовно-идеологический, культурологический, культурно-исторический) аспект – язык, веру и пр.

Отечество – «земля отцов (отцовская, идущая, передаваемая от отцов)» – «государство, в котором находится родина», «государство, в котором человек родился и воспитался (сделался подданным, навсегда водворился)».

Отчизна – «родное отечество как место рождения», «право субъекта (индивидуума, народа) на наследство после отца, наследственное владение достоянием».

Аргументацию для нашей позиции мы находим и в отечественной философской мысли. «В слове *от-*

ечество, которым обозначается на всех почти языках союз национально-государственный, – констатирует В.С. Соловьев [20, с. 291], ясно выражается внутренняя, существенная связь между первоначальною общественною клеточкой – родом и широкою политическою организацией. Выражая отношение родственное, термин «отечество» (patria, Faterland и т. д.) указывает этим <…> на то, что нравственный принцип этого нового великого союза должен быть <…> тот же, как и принцип малого союза – родового».

Определяя истоки и содержательные признаки отечественного патриотизма, русский мыслитель писал: «Когда собирательная жизнь человечества держалась на кровной связи между членами отдельных небольших групп, чувство общественной солидарности совпадало с чувством семейным. Такой первичный патриотизм *рода* или племени совместен и с кочевым бытом. При переходе племен к оседлому земледельческому быту патриотизм получает свое специфическое значение, становясь любовью к родной *земле.* Это чувство естественно слабеет в городском быту, но здесь развивается новый элемент патриотизма – привязанность к своей культурной среде или к родной *гражданственности.* С этими естественными основаниями патриотизма как природного чувства соединяется его нравственное значение как обязанности и добродетели. Основной долг благодарности к родителям, расширяясь в своем объеме, но, не изменяя своей природы, становится *обязанностью* по отношению к тем общественным союзам, без которых родители произвели бы только физическое существо, но не могли бы дать ему преимуществ достойного, человечного существования. Ясное сознание своих обязанностей по отношению к отечеству и верное их исполнение образуют *добродетель* патриотизма, которая издревле имела и *религиозное* значение, отечество не было *только* географическим и этнографическим термином – оно было *вотчиной особого бога*, который сам <…> был <…> отдаленной трансформацией умершего родоначальника. Таким образом, служба родине была деятельным богослужением, и патриотизм совпадал с благочестием. Не культ зависел от родины, а родина <…> создавалась культом: отечество было землей отцовских богов <…>». «Если мы все наше физическое и духовное достояние получили от отцов, то *отцы* имели его только чрез *отечество.* Семейные предания суть дробь преданий народных, и будущность семьи нераздельна с будущностью народа. Поэтому необходимо почитание отцов переходит в почитание отечества, или патриотизм, и семейное воспитание примыкает к воспитанию национальному» [19, с. 499].

Таким образом, *патриотизм,* как осознание своих обязанностей по отношению к отечеству и верное их исполнение (добродетели), формируется в этнокультурной среде (родной гражданственности), прежде всего в *семье,* которая, по утверждению В.В. Розанова, – «ближайшее и самое дорогое для нас отечество; пространственно – это место самых горячих связей; духовно – это место совершенного идеализма, живого, лучащегося» [12, с. 196].

Ранее мы отмечали, что фундаментом отечественного патриотизма является любовь к родине, к отечеству, к отчизне. Трудно в связи с этим не согласиться с утверждением И.А. Ильина, по мнению которого: «Есть на свете предметы, которые можно воспринять только глазом (например, свет или цвет); есть такие предметы, которые могут быть восприняты только любовью <…> К таким предметам принадлежит Родина. С человеком, у которого нет реального, живого опыта в этой сфере, который никогда не ощущал сердцем, что есть для него Родина, трудно было бы даже беседовать на эту тему...» [4, с. 218]. «Человек находит Родину, – утверждал мыслитель, – не просто инстинктом, но инстинктивно ускоренным духом и имеет ее любовью. А это значит, что вопрос о Родине разрешается в порядке самопознания и добровольного избрания... <…> заставить человека любить какую-нибудь страну, как свою родину, или быть националистом чуждой ему нации невозможно. Любовь возникает сама, она есть дело свободы человеческого самоопределения. Предмет, именуемый Родиною, настолько сам по себе объективно и безусловно прекрасен, что душа, нашедшая его, обретшая Родину, – не может не любить… Человек не может не любить свою Родину; если он не любит ее, то значит, что он ее не нашел и не имеет» [4, с. 222–223].

И не случайно, на наш взгляд, великий русский писатель, этнограф и лингвист В.И. Даль [1, Т. 2, с. 1299, Т. 3, с. 19] предложил вместо чужеродного *патриота* воспользоваться русскими словами *отечественник, отчелюбец, отчизник, отчизнолюб, отчизнолюбец.*

Таким образом, отечественный патриотизм как «любовь к (большому) Отечеству» начинается с «любви к (малой) Родине».

А что есть Родина? Что есть Отечество? Что есть Отчизна? Любовь!

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живаго великорусскаго языка: В 4 т. [Текст] / В.И. Даль. – М.: Типографія А. Семена; Типографія Лазаревскаго института восточныхъ языковъ (А. Мамонтовъ); Типографія Т. Рисъ, 1863–1866. – Т. 1: А-З. 627 с.; Т. 2: И-О. 1351 с.; Т. 3: П-Р. 508 с.; Т. 4: С-V. 709 с.

2. Данилюк, А.Я., Кондаков, А.М., Тишков, В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России [Текст] / А.Я. Данилюк и др. – М.: Просвещение, 2011. – 23 с.

3. Егорова, Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка [Текст] / Т.В. Егорова. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.

4. Ильин И.А. Путь к очевидности [Сборник] [Текст] / И.А. Ильин; послесл. В.И. Кураева; примеч. Р.К. Медведевой. – М.: Республика, 1993. – 430 с.

5. Колесов В.В. Словарь русской ментальности: в 2 т [Текст] / В.В. Колесов Д.В. Колесов, А.А. Харитонов [и др.]. – СПб.: Златоуст, 2014. – Т. 1. А-О. 592 с.; Т. 2. П-Я. 592 с.

6. Кохичко А.Н. Об истоках русского патриотизма [Текст] / А.Н. Кохичко // Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденция развития: монография / Под общ. ред. О.И. Кирикова. – Книга 16. Глава XVIII. – Воронеж: ВГПУ, 2008. – С. 212–224.

7. Кохичко А.Н. Этнокультурный компонент патриотического воспитания младших школьников [Текст] / А.Н. Кохичко // Начальная школа плюс До и После. – 2008. – №10. – С. 3–6.

8. Новый полный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ [Текст] / Сост. по русск. и иностр. источникамъ Е. Ефремовъ; под ред. проф. И.А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. – 2-е изд. – М.: Т-во А.А. Левенсонъ, 1912. – 605 с.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд. – М.: А ТЕМП, 2004. – 944 с.
10. Полный церковно-славѧнскій словарь (со внесеніемъ въ него важнѣйшихъ древне-русскихъ словъ и выраженій) [Текст] / Сост. Г. Дьяченко. – М.: Типографія Вильде, 1900. – 1120 с.
11. Преображенскій А. Этимологическій словарь русскаго языка: В 3 т. [Текст] / А. Преображенскій. – М.: Типографія Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. – Т. 1. 674 (5) с.; Т. 2. 419 с.; М. – Л.: АН СССР, 1949. Т. 3. 144 с.
12. Розанов В.В. Нечто из седой древности // Религия. Философия. Куль-тура [Текст] / В.В. Розанов; сост. и вступ. ст. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 1992. – С. 193–224.
13. Словарь иностранных слов [Текст] / Зав. ред. В.В. Пчелкина. – 14-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1987. – 608 с.
14. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка [Текст] / Сост. подъ редакціею А.Н. Чудинова. – СПб.: Изданіе книгопродавца В.И. Губинскаго, 1894. – 989 (3) с.
15. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка [Текст] / сост. по Энциклопед. Словарю Ф. Павленкова, съ соотв. сокращ. въ объясн. словъ и добавл. въ ихъ числѣ. – 2-е изд. Ф. Павленкова. – С.-Пб.: Типографія Ю.Н. Эрлихъ, 1907. – 714 (11) с.
16. Словарь русского языка: в 4-х т [Текст] / АН СССР, Ин-т рус. яз. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984. – Т. 1. А-Й. 1981. 698 с.; Т. 2. К-О. 1982. 736 с.; Т. 3. П-Р. 1983. 752 с.; Т. 4. С-Я. 1984. 794 с.
17. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка [Текст] / сост. вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. – СПб.: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1847–1868. – Т. I. 416 с.; Т. II. 475 с.; Т. III. 593 с.; Т. IV. 491 с.
18. Современный толковый словарь русского языка [Текст] / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – М.: Ридерз Дайджест, 2004. – 960 с.
19. Соловьев В.С. Смысл любви / Сочинения в 2 т. Т. 2 [Текст] / Общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева; примеч. С.Л. Кравца и др. – М.: Мысль, 1988. –С. 493–547.
20. Соловьев, В.С. Три речи в память Достоевского / Сочинения в 2 т. Т. 2 [Текст] / Общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева; примеч. С.Л. Кравца и др. – М.: Мысль, 1988. – С. 289–323.
21. Срезневскій, И.И. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ [Текст] / И.И. Срезневскій. – СПб.: Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, Императорской Академии Наук, 1893. – Т. I. Ч. I. А-Д. 806 с.; Ч. II. Е-К. 1618 с.; Т. II. Ч. I. Л-О. 852 с.; Ч. II. П. 1802 с.; Т. III Ч. I. Р-С. 910 с.; Ч. II. Т-Ѻ. 1969 с.
22. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка [Текст] / Д.Н. Ушаков. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.
23. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т [Текст] / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О.Н. Трубачева. – 2-е изд. стереотип. – М.: Прогресс, 1986–1987. – Т. I (А-Д). 576 с.; Т. II (Е-Муж). 672 с.; Т. III (Муза-Сят). 832 с.; Т. IV (Т-ящур). 864 с.
24. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка: более 5000 слов [Текст] / Г.П. Цыганенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – К.: Рад. шк., 1989. – 576 с.
25. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – 3-е изд., стереотип [Текст] / П.Я. Черных. – М.: Рус. яз., 1999. – Т. 1: А-Пантомима. – 624 с.; Т. 2: Панцирь-Ящур. – 560 с.

References

1. Dahl, V. I. Explanatory dictionary of living great Russian language in 4 volumes [Text] / V.I. Dal. - M.: Printing house of A. Seeds; Printing Lazarev Institute of Oriental languages (A. Mamontov); Printing T. Rice, 1863-1866, he was. – Vol. 1: A-Z. 627 p.; Vol. 2: I-O. 1351 p.; Vol. 3: P-R. 508 p.; Vol. 4: S-V. 709 p.
2. Danyluk, A.Y., Kondakov, A.M., Tishkov, V.A. The Concept of spiritual-moral development and education of the person citizen of Russia [Text] / A.Y. Danilyuk and others. - M.: Education, 2011. – 23 p.
3. Egorova, T.V. Dictionary of foreign words of the modern Russian language [Text] / T.V. Egorova. – M.: Adelant, 2014. – 800 p.
4. Ilyin, I.A. Way to evidence [Collection] [Text] / I.A. Ilyin; afterword. I.V. Kuraeva; note. R.K. Medvedeva. – M.: Republic, 1993. – 430 p.
5. Kolesov, V.V., Kolesov, D.V., Kharitonov, A.A. Dictionary of the Russian mentality: in 2 volumes [Text] / V.V. Kolesov and others. – S.-Pb.: Zlatoust, 2014. – Vol. 1. A-O. p. 592; Vol. 2. P-JA. p. 592.
6. Kokhichko, A.N. About the origins of Russian patriotism [Text] / A.N. Kokhichko // Philosophy, faith, spirituality: the origins, the position and trend of development: monograph / under the General editorship of O.I. Kirikova. – Book 16. Chapter XVIII. - Voronezh: VSPY, 2008. – P. 212–224.
7. Kokhichko, A.N. Ethno-cultural component of Patriotic education of younger schoolchildren [Text] / A.N. Kokhichko // Elementary school plus Before and After. – 2008. – №. 10. – P. 3–6.
8. New complete dictionary of foreign words included in the Russian language [Text] / sost. in Russian. foreign. sources E. Efremov; under the editorship of Professor I. A. Baudouin de Courtenay. – Ed. 2. – Moscow: T-vo A.A. Levenson, 1912. – 605 p.
9. Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. Explanatory dictionary of Russian language: 80,000 words and phraseological expressions [Text] / S.I. Ozhegov and others. – 4th ed. – M.: AND PACE, 2004. – 944 p.
10. Full Church Slavonic dictionary (with the introduction of ancient the most important words and expressions) [Text] / sost. G. Diachenko. – M.: Printing House Of Vilde, 1900. – 1120 p.
11. Preobrazhensky, A. Etymological dictionary of the Russian language: in 3 volumes [Text] / A. Preobrazhensky. – M.: Printing house of G. Lissner and D. Sovko, 1910–1914. – Vol. 1. 674 (5) p.; Vol. 2. 419 p.; M.-L.: A of S USSR, 1949. Vol. 3. 144 p.
12. Rozanov, V.V. Something from ancient times // Religion. Philosophy. Culture [Text] / V.V. Rozanov; ed. and joined. article A.N. Nikolyukin. – M.: Respublika, 1992. – P. 193–224.

13. Dictionary of foreign words [Text] / head. the editorship of V.V. Pchelkina. – 14-nd ed., rev. – M.: Rus. lang., 1987. – 608 p.
14. Dictionary of foreign words included in the Russian language [Text] / sost. edited by A.N. Chudinov. – S.-Pb.: Publication the bookseller V. Gubinsky, 1894. – 989 (3) p.
15. Dictionary of foreign words included in the Russian language [Text] / sost. at Encycloped. Dictionary F. Pavlenkova, respectively. cont. in expl. words and add. in one of them. – 2-nd ed. F. Pavlenkova. - S.-Pb.: Printing House Of Y.N. Ehrlich, 1907. – 714 (11) p.
16. Russian dictionary: in 4 t. [Text] / A of S USSR, In-t Rus. yaz. / under the editorship of A.P. Evgenieva. – 2-nd ed. rev. and extra – M.: Russian language, 1981–1984. – Vol. 1. A-I. 1981. 698 p.; Vol. 2. K-O. 1982. 736 p.; Vol. 3. P-R. 1983. 752 p.; Vol. 4. S-JA. 1984. 794 p.
17. Dictionary of Church Slavonic and Russian language [Text] / sost. second division of the Imperial Academy of Sciences. – S.-Pb.: Typography Of Imperial Academy Of Sciences, 1847–1868. – Vol. I. 416 p.; Vol. II. 475 p.; Vol. III. 593 p.; Vol. IV. 491 p.
18. Modern dictionary of Russian language [Text] / chief editor S. A. Kuznetsov. – M.: Reader's Digest, 2004. – 960 p.
19. Soloviev, V.S. Sense of love / Works in 2 vols 2. [Text] / ed. and comp. A.V. Gulyga, A.F. Losev; note. S.L. Kravets and others. – M.: Thought, 1988. – P. 493–547.
20. Soloviev, V.S. Three speeches in memory of Dostoevsky / Works in 2 vols 2. [Text] / ed. and comp. A.V. Gulyga, A.F. Losev; note. S.L. Kravets and others. – M.: Thought, 1988. – P. 289-323.
21. Sreznevsky, I.I. Materials for the dictionary of old Russian language according to written monuments] [Text] / I.I. Sreznevsky. – S.-Pb.: The publication of Department of Russian language and literature of the Imperial Academy of Sciences, the Imperial Academy of Sciences, 1893. Vol I. Part I. A-D. 806 p.; Part II. E- K.1618 p.; Vol. II. Part I. L-O. 852 h.; Part II. P. 1802 p.; Vol. III Part I. R-S. 910 p.; Part II. T-?. 1969 p.
22. Ushakov, D.N. Dictionary of the modern Russian language [Text] / D.N. Ushakov. – M.: Adelant, 2014. – 800 p.
23. Fasmer, M. Etymological dictionary of Russian language in 4 volumes [Text] / M. Vasmer; tr. of the deitch. and additional member.-cor. USSR Academy of Sciences O.N. Trubacheva. – 2nd ed. stereotype. – M.: Progress, 1986-1987. Vol. I (A-D). 576 p.; Vol. II (E-Husband). 672 p.; Vol. III (Muse-Struck). 832 p.; Vol. IV (T-IA). 864 p.
24. Tsyganenko, G.P. Etymological dictionary of the Russian language: more than 5,000 words [Text] / G.P. Tsyganenko. – 2nd ed. – K.: Rad. sh., 1989. – 576 p.
25. Chernych, P.J. Historical-etymological dictionary of modern Russian language: in 2 vol 3rd ed. stereotype [Text] / P.J. Chernych. – M.: Rus. lang., 1999. – Vol. 1. A-Mime. 624 p.; Vol. 2. Shell-JA. 560 p.

Рецензия на статью
«Деятельность печатного органа политотдела МТС
(по материалам газеты «Сталинец»)»
Е.А. Рыболовой

Рецензент
Милешина Наталья Александровна,
д-р ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный
педагогический институт им. М.Е. Евсевьева»

Статья посвящена анализу деятельности печатных изданий политотделов МТС. Поставленная проблема, безусловно, актуальна, поскольку подобные издания сыграли немаловажную роль в реализации сталинской политики «сплошной коллективизации». Кроме того, политотделы МТС существовали всего около двух лет, поэтому их деятельность недостаточно изучена в историографии. Не случайно автор подчеркивает, что в отличие от других изданий периодической печати, газеты, издаваемые при политотделах МТС, выполняли ряд специфических функций. Анализ данных функций и стал объектом исследования автора, соответственно, содержание публикации полностью соответствует обозначенной проблематике.

Работа основывается на последовательном анализе «рупора политотделов МТС» Белгородского района Центрально-Черноземного района СССР – газеты «Сталинец», основанной в феврале 1933 г. В статье нашло отражение стремление автора выявить основные направления деятельности политотделов МТС, отраженные в газете, показать формы идеологического воздействия периодической печати 1930-х гг. на сознание колхозников. В частности, одной из важнейших задач политотделов МТС провозглашалось создание слоя «зажиточных колхозников», что стимулировало процесс коллективизации.

Автору присущи четкость и лаконичность выводов, полемический характер изложения материала, подлинно научный стиль, фактологическая и терминологическая точность, основательный и системный подход в исследовании проблемы. Он отмечает свойственную для обозначенного периода тенденцию – при помощи коллективной «читки» таких газет в колхозных красных уголках и избах-читальнях в сознание крестьян внедрялись нужные идеи, соответствующие новой, коммунистической идеологии. В статье приводятся интересные факты о методах «проработки» нерадивых колхозников с помощью периодической печати, об отражении в газете новой активной роли женщин в обществе, о фактических результатах первой пятилетки в сельском хозяйстве.

Работу отличает и высокий уровень методологической базы. Автор успешно применяет структурно-текстологический анализ газеты «Сталинец», используя для характеристики основных тенденций колхозного строительства яркие газетные заголовки. В работе реализуется и ключевой принцип исторического исследования – принцип объективности, поскольку автору не присуща сплошная критичность, он пытается выявить и положительные стороны в деятельности политотделов МТС. Оформление рукописи, в том числе, библиографического списка, соответствует требованиям, предъявляемым к работам подобного уровня. Работа имеет как научно-теоретическую, так и практическую значимость, поскольку выводы автора позволяют конкретизировать деятельность политотделов МТС, четко определить их функции, дополнить представления о роли советской печати в реализации политики коллективизации.

В результате исследования автор четко определяет функции газет, созданных при политотделах МТС. В частности, он доказывает, что они выполняли информационную, воспитательную, просветительско-пропагандистскую функции, давали колхозам практические рекомендации по улучшению сельскохозяйственной деятельности. По мнению автора, подобные газеты гармонично вписывались в деятельность политотделов МТС и оперативно реагировали на все изменения. Соответственно, их эффективность была очевидной. Однако, автор не раскрывает причин недолгого существования политотделов МТС и дальнейшую судьбу газеты «Сталинец». Представляется, подобные изыскания придали исследованию более последовательный и завершенный характер.

В целом, статья Е. А. Рыболовой, безусловно, представляет собой оригинальное, интересное и аргументированное исследование, соответствует требованиям и может быть рекомендована к изданию.

д-р ист. наук, доцент Н.А. Милешина

Рецензия на статью
«Перспективы развития современных научных сообществ как социальных институтов»
Н.С. Радевской

Рецензент
Орлова Вера Вениаминовна,
д-р социол. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники»

В статье рассматриваются наука и социум в их взаимоотношениях и взаимосвязи, проблемы самоорганизации науки. Автор размышляет о путях и формах науки как социального института, поставленного на службу общественным интересам. Содержание публикации соответствует ее названию, поскольку социальные институты представляют собой своеобразные самоуправляющиеся системы, состоящие из трех взаимосвязанных частей. Исходную часть этих систем образует сеть согласованных статусов-ролей, их управляющую систему образуют, с одной стороны, потребности, ценности, нормы, убеждения, разделяемые участниками, а с другой стороны, общественное мнение, право, государство, иреобразовательная система социальных институтов включает согласованные действия людей, в которых проявляются соответствующие статусы и роли.

Согласимся, что предлагаемый «Академический проект» является, безусловно, масштабной целью и в перспективе может послужить одним вариантов пути объединения научного сообщества, но в ближайшей перспективе он вряд ли может быть осуществим.

Что касается допущенных автором рукописи недостатков, отметим не достаточно критический анализ литературы, встречается обыденный стиль изложения «где-то мы наблюдаем…».

Вместе с тем, требования по оформлению материалов в качестве формальных признаков текста научной коммуникации соблюдаются. Структура статьи обладает логическим единством. В статье представлены ссылки на используемый библиографический список. Статья рекомендуется к публикации.

Доктор социологических наук, профессор
кафедры философии и социологии ТУСУР В.В. Орлова

Рецензия на статью
«О Родине, Отчизне, Отечестве»
А.Н. Кохичко

Рецензент
Орлова Вера Вениаминовна,
д-р социол. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники»

Статья посвящена актуальной в настоящее время теме - анализ содержания патриотического воспитания, понятия «патриотизм» в отечественной языковой ментальности. Автору удалось обстоятельно проанализировать и представить разные позиции в отношении данных категорий. Содержание публикации соответствует ее названию.

Целесообразно и обоснованно приведены в рукописи определения данные известными учеными, посвященные изучению русского языка (Даль В.И., Ожегов С.И., Ушаков, Д.Н., Ильин И.А., др.). Отметим четкость изложения и аргументированность умозаключений. Автором отмечается дискуссионность данной темы, поскольку в завершение статьи поставлены вопросы.

Автор статьи приходит к выводу, что ментально родина – «место рождения», «родная (родимая) страна (земля)» (губерния, уезд, город, деревня и пр.) субъекта (индивидуума, народа). Помимо природно-физического (места и времени рождения) и социального (субъектов рождения – родичей) содержания, анализируемое понятие подразумевает и духовный (духовно-идеологический, культурологический, культурно-исторический) аспект – язык, веру и пр.

Требования по оформлению материалов в качестве формальных признаков текста научной коммуникации соблюдаются. Структура статьи обладает логическим единством. В статье приводится подробный анализ публикаций по заявленной проблематике, в том числе автор раскрывает свою позицию, также представлены ссылки на используемый библиографический список. Оценка полноты проработки материала высокая. Статья рекомендуется к публикации.

Доктор социологических наук, профессор
кафедры философии и социологии ТУСУР В.В. Орлова

Рецензия на статью
«Этнические группы у калмыков: материалы о группе зёд (*зөд*)»
Т.И. Шараеваой

Рецензент
Милешина Наталья Александровна,
д-р ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева»

№ п/п	Критерии рецензирования	Оценка
1	соответствие содержания публикации ее названию	соответствует
2	общий анализ уровня научного содержания рукописи, новизны, терминологии и структуры публикации, актуальности рассматриваемой темы и значимости представленной проблемы; теоретическую или практическую составляющие исследования	хорошо
3	подлинность изложенных фактов; полноту проработки материала	хорошо
4	оценку подготовленности рукописи к изданию в отношении языка и стиля, соответствия имеющимся требованиям по оформлению материалов рукописи; наличие ссылок на используемый библиографический список и иные источники информации	отлично
5	соответствие примененных Автором методик, рекомендаций и результатов исследования современным достижениям науки и практики	соответствует
6	целесообразность и обоснованность приведения различных иллюстративных материалов в рукописи	иллюстративные материалы отсутствуют
7	корректность полученных результатов	хорошо
8	соотнесенность выводов Автора с существующими научными концепциями	отлично
9	четкость изложения и аргументированность умозаключений; достоверность и обоснованность итоговых выводов, соотнесенных с целями и задачами исследования соответствует	отлично
10	выявление допущенных автором рукописи недостатков, неточностей и ошибок	Не показана роль группы зёд в этнокультурном развитии и исторической судьбе калмыков. Это позволило бы усилить актуальность поставленной проблемы. Орфографические неточности.
11	Вывод	рекомендовать к публикации

д-р ист. наук, доцент Н.А. Милешина

Рецензия на статью
«Соглашения Осло как попытка урегулирования палестино-израильского конфликта: историографический аспект»
А.В. Гофман

Рецензент
Милешина Наталья Александровна,
д-р ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева»

№ п/п	Критерии рецензирования	Оценка
1	соответствие содержания публикации ее названию	соответствует
2	общий анализ уровня научного содержания рукописи, новизны, терминологии и структуры публикации, актуальности рассматриваемой темы и значимости представленной проблемы; теоретическую или практическую составляющие исследования	хорошо
3	подлинность изложенных фактов; полноту проработки материала	отлично
4	оценку подготовленности рукописи к изданию в отношении языка и стиля, соответствия имеющимся требованиям по оформлению материалов рукописи; наличие ссылок на используемый библиографический список и иные источники информации	хорошо
5	соответствие примененных Автором методик, рекомендаций и результатов исследования современным достижениям науки и практики	соответствует
6	целесообразность и обоснованность приведения различных иллюстративных материалов в рукописи	иллюстративные материалы отсутствуют
7	корректность полученных результатов	хорошо
8	соотнесенность выводов Автора с существующими научными концепциями	отлично
9	четкость изложения и аргументированность умозаключений; достоверность и обоснованность итоговых выводов, соотнесенных с целями и задачами исследования соответствует	отлично
10	выявление допущенных автором рукописи недостатков, неточностей и ошибок	При формулировке выводов представлена весьма схематичная оценка второй группы исследований, требуется конкретизация. Орфографические неточности.
11	Вывод	рекомендовать к публикации

д-р ист. наук, доцент Н.А. Милешина

Рецензия на статью
«Референдум в Шотландии 2014 года: история и последствия»
Н.А. Куликова

Рецензент
Милешина Наталья Александровна,
д-р ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева»

№ п/п	Критерии рецензирования	Оценка
1	соответствие содержания публикации ее названию	соответствует
2	общий анализ уровня научного содержания рукописи, новизны, терминологии и структуры публикации, актуальности рассматриваемой темы и значимости представленной проблемы; теоретическую или практическую составляющие исследования	хорошо
3	подлинность изложенных фактов; полноту проработки материала	отлично
4	оценку подготовленности рукописи к изданию в отношении языка и стиля, соответствия имеющимся требованиям по оформлению материалов рукописи; наличие ссылок на используемый библиографический список и иные источники информации	хорошо
5	соответствие примененных Автором методик, рекомендаций и результатов исследования современным достижениям науки и практики	соответствует
6	целесообразность и обоснованность приведения различных иллюстративных материалов в рукописи	иллюстративные материалы отсутствуют
7	корректность полученных результатов	отлично
8	соотнесенность выводов Автора с существующими научными концепциями	хорошо
9	четкость изложения и аргументированность умозаключений; достоверность и обоснованность итоговых выводов, соотнесенных с целями и задачами исследования соответствует	хорошо
10	выявление допущенных автором рукописи недостатков, неточностей и ошибок	недостаточно раскрыта роль националистических партий Шотландии в подготовке общественного мнения к референдуму 2014 г.
11	Вывод	рекомендовать к публикации

д-р ист. наук, доцент Н.А. Милешина

ПОДПИСЬ Н.А. Милешина
ЗАВЕРЯЮ
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР
ООО «ЦНС «ИНТЕРАКТИВ ПЛЮС»
ЯКОВЛЕВА Т.В.

Human and society

International academic journal

Issue 4 (5) | 2017

Articles received by the editorial board are reviewed
Editorial board's point of view may differ from the views of the authors of articles
When copying a link to the "Human and society" journal is obligatory
The authors are responsible for the accuracy of the information contained in the articles

The journal is included in the SEL base eLibrary.ru (license agreement № 800-12/2015 from 09/12/2015)
The journal is placed on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka"

Founder and publisher of the journal:
LLC "Center of Scientific Cooperation "Interactive plus"

Address editorial board and the publisher:
428005, Russia, Chuvashia republic, Cheboksary,
Grazhdanskaya St, 75

Contacts of the editorial board:
8 (800) 775-09-02, info@interactive-plus.ru
www.interactive-plus.ru

The certificate of mass media registration:
ПИ № ФС 77-67055,
given Roskomnadzor 15/09/2016

Signed in the print in 27.12.2017
Date of issue appearance 29.12.2017.
Format 60 84 × ⅛. Conditional printed pages 5.115. Order K-299.
Digital seal. Coated paper. Circulation 500 copies.
The publication is suitable for children over 16 years old.
Free price.

Issued in print studio «Maximum»
428005, Cheboksary, Grazhdanskaya St., 75
+7 (8352) 655-047, info@maksimum21.ru
www.maksimum21.ru

© Center of Scientific Cooperation "Interactive plus", 2017

Человек и общество

Международный научный журнал

Выпуск 4 (5) | 2017

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются
Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей
При перепечатке ссылка на журнал «Человек и общество» обязательна
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы

Журнал включен в базу НЭБ eLibrary.ru (лицензионный договор № 800-12/2015 от 09.12.2015)
Журнал размещен на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка»

Учредитель и издатель журнала:
ООО «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс»

Адрес редакции и издателя:
428005, Россия, Чувашская Республика, г. Чебоксары,
ул. Гражданская, д. 75

Контакты редакции:
8 (800) 775-09-02, info@interactive-plus.ru
www.interactive-plus.ru

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77-67055,
выдано Роскомнадзором 15.09.2016

Подписано в печать 27.12.2017.
Дата выхода издания в свет: 29.12.2017.
Формат 60×84 ⅛. Усл. печ. л. 5.115. Заказ К-299.
Печать цифровая. Бумага мелованная. Тираж 500 экз.
Предназначено для детей старше 16 лет.
Свободная цена.

Отпечатано в типографии
Студия печати «Максимум»
428005, Чебоксары, Гражданская, д. 75
+7 (8352) 655-047, info@maksimum21.ru
www.maksimum21.ru

© Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2017